

Нарыжнев Сергей

КОД ПОБЕДИТЕЛЕЙ

18+

Сергей Нарыжнев

Код победителей

«Де'Либри»

2026

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Нарыжнев С. Г.

Код победителей / С. Г. Нарыжнев — «Де'Либри», 2026

ISBN 978-5-4491-3069-3

«Код победителей» – это три пронзительные художественные истории, основанные на реальных событиях. Их объединяет фигура главного героя – Артёма (позывной «Вольф»), чей путь от засекреченных операций в далекой Ливии до жесточайших уличных боев за Бахмут ложится в основу повествования. Первая часть, «Липецк, Триполи», погружает читателя в зной и песок северной Африки, где горстка русских добровольцев вступает в неравную схватку, навсегда вписывая свое имя в легенды арабского мира. Вторая часть, «Дорога на Бахмут», – это суровая и бескомпромиссная окопная правда о современной войне. Артём и его боевые товарищи, прошедшие огонь и воду, вновь оказываются на передовой, где цена ошибки – жизнь. Это рассказ о беспримерном героизме, нестигаемой воле, братстве и тяжести потерь. Завершает трилогию светлая и лирическая «Тбилисская рапсодия». Она дарит надежду на то, что даже прошедший через ад может обрести счастье. Это история о неожиданной любви, которая становится наградой за все пережитое и дарит шанс на новую, мирную жизнь. «Код победителей» – это не просто батальная проза. Это искренний и эмоциональный памятник тем, кто остался в тени фразы «Их там нет». Это напоминание будущим поколениям о силе духа, чести, доблести и настоящей любви, ради которой стоит выжить.

УДК 82-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-4491-3069-3

© Нарыжнев С. Г., 2026

© Де'Либри, 2026

Содержание

«Липецк, Триполи»	7
«Дорога на Бахмут»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Нарыжнев Код победителей

D E L I B R I

© С. Нарыжнев, текст, 2025

«Липецк, Триполи»

Ливия, Триполи. Задача, поставленная «Вагнерам» генералом Хавтаром, руководителем восточной части Ливии, выполнялась до конца и честно. Со временем политические игры двух руководителей Ливии, западной и восточной частями, (Хавтар и Сарадж) за их спинами сделали своё дело... «Вагнера» выходили с Триполи с высоко поднятыми головами: с техникой и при оружии, с флагами.

Эта история русского воинства на севере Африки не раскрыта почти совсем. В данном рассказе есть воспоминания очевидцев, но он полностью художественный и является посы-

лом будущим поколениям, чтобы помнили о своих замечательных и героических предках, о героях, совершавших подвиги, при этом полностью засекреченные с прилепившимся обозначением – «Их там нет». Нас там не было, но неизвестные воины с севера совершали подвиги не сопоставимые простым смертным: жара, голод, старое оружие, малое число не пугало и не останавливало их. Умение, профессионализм, невероятная выносливость, характер, сила и огромная воля к победе, доброта, понимание местного населения, уважение к их традициям делали этих воинов легендами арабского и африканского мира. Они стали кумирами для многих детей, живущих в этих странах. Пусть легенды о русском многонациональном воинстве живёт в памяти будущих поколений.

Сознание приходило с прерывистыми гудками и вибрацией телефона где-то рядом. Открыл глаза: «Ох ты! Красота то какая!» – Ленивые мысли полезли в голову вместе с картинкой перед глазами – напротив, на подушке лежало тихо спавшее юное лицо девушки. Утро, залитое солнцем, заполняло мягким светом спальню. Опять гудок и вибрация за спиной, девушка мило сморщила носик, сведя брови, но глаз не открыла. Артём счастливо улыбнулся, рассматривая красивый облик и вспоминая, как её звал вчера: «Кажется, Мария, Маша, Маруся?»

Он наконец, повернулся, дотянулся до телефона, лежащего на тумбочке:

– Аллю.

– Бля, ну наконец – то. Вот интересно, кому этот звонок нужнее, мне или тебе, Тёма? Где потерялся?

– Тише, тише, девушку разбудишь. – Артём говорил полужёпотом, через плечо разглядывая прелестницу.

– Какую девушку? – На том конце попали в ступор.

– Не помню... Кажется, Машу. – Артём улыбался.

– А-а-а... Ну ты красавчик!

– Патефон, здравствуй, Братка.

– Здорово, Вольф. Ну шооо? Надо ехать, ты как?

– Да ладно, не может быть? И полгода не прошло. Куда?

– Честно, не знаю, всё как – то секретно. Богемия позвонил, и только сказал: «Собирай своих, будет жарко». Вот я и звоню – собираю.

– Ох, как я люблю эту работу.

– Вот и ладушки, так что, помогай мне, обзванивай своих: Тэтхема там, Муху. Кто согласен – звони, я тут в списке отмечать буду, хорошо?

– Окей, Босс! Как обычно две недели на сборы?

– Да, так приблизительно... Ладно, давай, звоню следующим.

– Пока, Андрюх.

– Пока, Тём.

Артём положил телефон, перевернувшись приблизился к девушке, та так же тихонько сопела – спала под тонкой простыней. Её формы привлекали и манили, а он и не сопротивлялся, стал будить нежными поцелуями, а потом разбудил близостью... После долгого поцелуя в конце, он встал и пошёл, не одеваясь, в душ. Девушка провожала его ещё сонным взглядом, улыбаясь, потом потянулась в кровати, недолго думая, замоталась в простыню и сорвалась на балкон гостиницы.

Сразу обдало жарким утром и шумом первой улицы у моря. Солнце светило в чистом лазуревом небе, крик чаек, шелест набегающих волн на мелкую гальку и говор набережной с открывающимися кафе, поливающими клумбы с буйным цветом садовниками – это, была Ялта, и всё вливалось радостью утра в юную красавицу – Марию Девяткову. Это был первый отпуск, Мария год пролетала стюардессой по международным линиям, конечно, помог папа

с его связями в компании «Аэрофлот» и её отличное знание английского, полученное в московской спецшколе.

С Артёмом они познакомились вчера в ночном клубе, он произвёл впечатление, заинтересовал, увлёк и всё случилось. А сейчас он вышел на балкон уже в шортах, великолепное мускулистое молодое тело впечатляло. Он обнял девушку сзади, поцеловал в шею... «Как жаль, что всё кончается! А вдруг?» – Она, чуть с грустью прижалась спиной к его груди, распустив до пояса свои мелированные локоны волос:

– Тёма, мы ещё увидимся?

– Да, конечно, Маш... Но, потом.

– В смысле? – Она развернулась в пол оборота, пристально глядя снизу вверх, в его глаза.

Он, не смутившись, чуть улыбнулся ей:

– У меня командировка, на много месяцев.

– Это они звонили? А мне звонить будешь?

– Да, это они, а тебе звонить не получится, там связи нет, я в Африку... Наверное.

– Ого, а что за работа такая?

– Ох, любопытная ты, Варвара.

– Я – Мария! Ну интересно, же?

– Геологоразведочная служба одной нефтяной компании, в пустыне нефть ищем.

– Ничего себе, и надолго?

– Шесть месяцев, где – то.

Она взялась обеими руками за перила, с грустью глядела вперёд – в никуда:

– Шесть месяцев – это долго. – Тихо сказала она.

– Давай собираться, будем номер освобождать и пойдём завтракать. Я угощу тебя всем, что ты захочешь, идёт? – Артём поднял её на руки, понёс в номер.

«Вольф» и «Муха»

После кафе они расстались, она осталась в Ялте у своей гостиницы, а он на своём тёмно – синем «BMW X7» рванул домой, в Симферополь и посвятил эти две недели сборам в командировку.

На тренировочной базе в Молькино, Краснодарского края собрались почти всей «бандой», что и в первой командировке. На первый борт в Сирию Артём не успел, на нём улетел

Патефон, пришлось ждать следующий рейс, который намечался через пять дней. Вечерами парни собирались в своём кубрике, пили чай и тихо общались, каждый рассказывал о своём отпуске дома – где был, что видел. Артём сидел в основном с кучкой близких друзей: в компании Мухи – Рината из Ростова на Дону, Деда – Серого из Твери, Тэтхема – Кости из Кореновки, Футура – Димы с Костромы и Жеки – Гиены с Тольятти. С Мухой сошлись ещё в первой командировке, вернее Артём подтянул Рината с армейской службы, тот тоже был морским пехотинцем, как и Артём, оба были с Владивостока. Муху там называли – «неистовый пулемётчик», Ринат занял первое место на военных соревнованиях по пулевой стрельбе, раздел – пулемёты, по Дальневосточному округу. У него закончился очередной контракт в МО¹ и Риня с радостью рванул с Артёмом в «Вагнера». До приезда во вторую командировку Риня женился на девушке из Ростова – на – Дону, переехал в этот город, купил квартиру. Всё это Риня рассказывал в предпоследний вечер, парни сидели рядом, слушали. Так и разговаривали, каждый о своём. Перед самой отправкой всех собрал Владимир Павлович, Богемия. В своей обычной манере доходчиво, с шутками – прибаутками доносил истину в красках, а именно про форму номер три – что доверенность на получение денег за «гробовые»² не нужно писать перед отправкой в командировку на непонятных шлюх, друзей, корешей. Желательно отписывать на мать или жену.

В самом начале командировки попали на аэродром «Чкаловский». Идя по рулѐжной дорожке со всеми вещами, толпой в количестве больше двухсот человек, к Ил–76, увидели сидящих на траве под охраной группу департирующихся мигрантов из Средней Азии, Тёма – Густав пошутил:

– А чѐ, у духов тоже ротацию производят? – Все, кто был рядом «выпали в осадок» с громким «ржанием». Ил взлетел и понѐс «Боевых Бомжей» дальше, в Сирию – аэродром «Хмеймим»³. До сих пор не было известно куда командировка, действительно всё было секретно. В «Химари» прилетели вечером, начинало смеркаться. Всех, двести пятьдесят два человека, со всеми сумками и вещами прогнали через пограничный контроль и «рамку», после усадили на траву у аэровокзала, чего – то ждали. Парни сидели и тихо разговаривали, разглядывая подсвеченную округу – периметр аэродрома и самолѐты. Посередине аэродрома висел аэростат высоко в небе с подсветкой и подвесом. На нём, ниже аэростата, висел блок – усилитель связи, и камеры во все стороны. А вокруг, вдалеке, на фоне густо усеянного звѐздами неба чернели горы. Арабская ночь была сумасшедшей: яркие большие звѐзды, млечный путь через всю сферу звѐздного неба. Прохладный ветер с гор, после дневного солнцепѐка, с разгона носился по взлѐтке и рулѐжкам, разносил невероятно приятные запахи ночных цветов по всему аэродрому. Цикады, чуть ли не сплошным мягким треском заполняли всё пространство.

Подъехал тентованный «КамАЗ», с пассажирского места выскочил человек в непонятной пятнистой форме и найдя старших в толпе, сказал им переодеть всех в спец, форму, которая была в кузове. Там была форма полевая по старым стандартам американской армии. Становилось всё интересней и интересней, загадочней и загадочней. Старшие быстро разобрались в мешках с разными размерами формы, стали выдавать. В общем – то «полѐвка» была удобной, как потом оказалось, вроде и плотной, но сто процентов хлопок, отлично «дышала» днём и грела в прохладную ночь.

Прошло немного времени и начали опять грузиться в Ил – 76, он оказался Конторским. Заполняя внутренности фюзеляжа, обратили внимание, что экипаж ходил в свободной гражданской одежде, кто в шортах, кто в майках. Как потом оказалось парни были наняты из Укра-

¹ МО – Министерство Обороны.

² «Гробовые» – деньги близким и родным от Конторы за смерть сотрудника в бою.

³ Аэродром «Хмеймим» – в разговорной речи – «Химари»

ины, ничего личного – только бизнес. Самолёт взлетел и взял курс в африканскую ночь, унося отряд дальше...

Рампа медленно опускалась... Во внутрь пахнуло запахом пустыни: жарой, песком и пылью. Начиналось раннее утро, чистый, с голубой и прозрачной каёмкой у розового восхода, горизонт быстро превращался в, налитый светом, восток. Сам аэродром освещался по минимуму, внутри самолёта тоже было минимальное освещение и то зелёного цвета. «Боевые Бомжы» были уставшими и молчаливыми, некоторые полушёпотом думали и гадали, куда сегодня их лихая фортуна занесла? Местный персонал из русских быстро натянул по бокам ramпы тросы и на них накинули брезент, как шторы.

– Ох ты ж, конспирация какая? – Вырвалось у Тэтхема. Все зацокали языками. Прошла команда: «Всем надеть балаклавы», а парни, все двести пятьдесят два человека, понимая всю важность операции, уже стояли в «намордниках». Автобусы с наглухо тонированными стёклами подъезжали один за одним, люди быстро проходили по брезентовому коридору и грузились с вещами во внутрь. У Артёма было приподнятое настроение: «Надо же, как интересно, что мы здесь делаем? Я участник какого – то заговора, смешно». – Он мотнул головой. Ехать пришлось не далеко, тут же заезжали в полумрак ангаров, «Вагнера» временно разгрузались, располагались на бетонном полу.

Аэродром охраняли brave ребята, некоторые зашли поздороваться в полной экипировке, штурмана чуть позавидовали такому обвесу на автоматах и импортной навороченной штатовской и английской форме, причём, у всех были новые автоматы «Калашников» под калибр 5,45, что было удивительно в этих местах, здесь основной калибр – 7,62. Как оказалось, это был Московский отряд ССОшников⁴ в количестве около семидесяти человек. От них только узнали, что оказались в Ливии, аэродром Харуба. Что – то намечалось, у Артёма подсаживало под ложечкой, появился азарт от всего увиденного и как их, как супер – агентов, готовили к грандиозным событиям. Позже подвезли горячий завтрак с чаем. Чуть отдохнув стали собираться дальше. Прилетевших разделили, часть с разными интервалами стали вывозить автобусы в неизвестном направлении. Проехали не долго, заехали на закрытую территорию, потом проинформировали, что привезли на место сбора – невзрачная база «Меркурий» под Бенгази. Множество одноэтажных домиков из песчаника, раскиданных террасами вдоль площади внизу. Всё это было обнесено дувалами⁵ чуть выше человеческого роста. Везде были натянуты сетки и мешковины – козырьки от палящего солнца. Здесь формировалась сводная шестая БТГ⁶, чуть больше семидесяти человек. Появился Патефон, он в отделение привел ещё четверых: Сюрприза, Дувигена, Кумска и Бегана. Сюрприз – Клим с Красноярска, парень двадцати пяти лет, в «Конторе» с семнадцатого года, Дувиген – Ильшат, лет сорока, астраханский казах, в «Конторе» тоже с семнадцатого года. Беган – Саня, тридцать один год, он с Ростова-на-Дону, тоже первый раз в «Конторе» и Кумск – Леха с Кумска, второй раз в командировке. Все поздоровались и познакомились.

– Так, Хулиганы, создаём второе боевое отделение. Нас, вместе со мной, пятнадцать человек. Сейчас получаем оружие, смотрим, готовим. И... Сюрприз с Дувигеном – вы пулемётный расчёт, Муха, Вольф – вы второй пулемётный расчёт. Ща пулемёты получите – готовьте их.

⁴ ССО – силы специальных операций.

⁵ Дувал – забор, часто из камней.

⁶ БТГ – батальонная тактическая группа.

Солнце к обеду накалило песок, стены, воздух. Становилось трудно дышать. Домики были с навесами из мешковины и, если был хоть малейший ветерок – это было за счастье. «Ливийка» – х/б форма работала исправно. Мухе с Вольфом достался пулемёт ПК тысяча девятьсот семьдесят третьего года, а Сюрпризу с Дувигеном достался ПКС⁷ с рифлёным стволом. Пулемёт древний – тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, но надёжный и рабочий, оружие было со складов, в масле, Сюрприз со знанием дела разбирает пулемёт, чистит детали, сразу к нему прониклись уважением, парень знал, что делает. Дали старые четыре короба с брезентовыми ремешками и лентами по двести звеньев в каждой, это было только для носки помощниками, а к пулемётам коробов не было. Муха и Сектор целый день импровизировали, пришлось искать сумки из – под противогазов, чистить их от пыли и запихивать туда заряженные ленты, разделённые по пятьдесят патронов для работы с пулемётом. Оба они ходили по базе с лентами, перекинутыми через плечи, как революционные матросы в старых фильмах. Муха от своего «волшебного» пулемёта тихо матерился, а потом не выдержал и аккуратно «подрезал» один короб у местного воина – ливийца, тот ловил мух в это время возле своего джипа, вот как бы Муха и отомстил за «своих». В общем, все были в хорошем настроении, шутили, радовались, провозились целый день, были чем – то заняты, чистили оружие, готовили «снарягу», подгоняли под себя разгрузки, в основном у всех были ССОшные поясные разгрузки, очень удобные. Бронежилеты были не у всех, но из – за большой жары их особо и не носили. По периметру базы стояли под импровизированными навесами из мешковины цвета песка дежурные джихад – мобили с крупнокалиберными пулемётами, парни в кузове пикапов дежурили поочерёдно, парились в «арафатках»⁸, в чёрных очках, внимательно наблюдали за своими секторами, глядя за забор. На самой базе постоянно двигалась техника, появились «Чеканы»⁹ на базе «Урал» с башенками от БРДМ – 2 с 14,5 мм пулемётом КПВТ, джипы Mitsubishi L–200, Toyota LC – 70, микроавтобусики, «Уралы» водовозки и бензовозки. Все тонированы в ноль.

Вечером, перед отправкой дальше, было построение буквой «П». В центр вышел старший «шестёрки» – Гарин и ввёл чуть в курс дела – оказалось, что прилетели в Ливию, что Хафтар – лидер восточной части Ливии, объявил войну западной части государства, а именно так называемому президенту Фаизу Сараджу, и в будущем «Вагнерам» при поддержке ЛНА¹⁰ предстояло штурмовать, ни много ни мало, столицу – Триполи и воевать против армии ПНС¹¹. Все обомлели: как захватить многомиллионный Триполи несколькими сотнями «Вагнеров» и не понятной армией Хавтара, не было никакого боевого слаживания, задумались. А Вольф выдохнул, всё становилось на свои места и более – менее вырисовывалась их задача в эту командировку. Ближе к ночи на автобусах обратно отвезли в аэропорт «Харуба» и при оружии загрузились на Ил – 76, полетели в центр страны – город Джофра. Это было четвёртого сентября.

Джофра – приличных размеров город в середине Ливии в подчинении Хафтара. Огромной территории аэродром со стоящими в песчаных капонирах самолётами, ангарами для техники, ангарами для личного состава, складами, административными зданиями, мастерскими, рулёжками и несколькими взлётными полосами. Отделение Патефона расположили в подземном ангаре, в будущем это место назвали «Троя». Утром следующего дня сказали, что будет два дня отдыха перед отправкой к Триполи. Парни выспались, сходили в душ, кто постирался. Днём было жарко – бельё сохло моментально. В ангаре работал кондиционер, было очень ком-

⁷ ПКС – Пулемёт Калашникова Станковый.

⁸ «Арафатка» – арабский большой платок

⁹ «Чекан» – она же «Шука», на базе «Урал» броневик.

¹⁰ ЛНА – Ливийская Национальная Армия.

¹¹ ПНС – Правительство Национального Согласия.

фортно. Местные Садыки¹² навезли помимо вкусных завтраков, обедов и ужинов, соки, банки фанты, кока – колы, разного шоколада. От такого изобилия «Боевые Бомжы» расслабились. В первый вечер Артём и его друзья мелкой компанией вышли на крышу ангара с чаем и шоколадом. Расстелили одеяла, легли и созерцали на далёкие голубые горы. Солнце садилось за их головами, за взлётной полосой, за бетонным забором, а перед ними открывалась сумасшедшей красоты картина: впереди на востоке и удаляясь в даль лежал жёлтый песок северной части пустыни Сахара, вдалеке, во весь горизонт растянулись зазубринами бело-голубые горы, а над всем этим был купол сине – голубого – розового вечернего неба. Такое время и тёплый ветерок толкали на откровенные разговоры. Артём впервые рассказал своим парням о себе – о том, что рано остался без мамы, умерла от рака, а четыре года назад умер отец – сердце. Компания отца с компаньоном занималась ловлей, хранением и продажей на Дальнем Востоке и по всей Южной Азии рыбы. Сам Артём отслужил срочку во Владике год, потом контракт там – же, ещё три года. После смерти отца Артёму досталось большое наследство. Он, собрав своих близких друзей во Владивостоке, вывез их с семьями в Симферополь. Там, за объездной дорогой «Таврида», открыли в одном месте производства по изготовлению всевозможных дверей, окон, по сварочным работам, внутренней и наружной отделке зданий, домов и квартир. Работа кипела, все при деле и вместе – пошли приличные доходы, но Артёма потянуло на подвиги.

Все сейчас в изумлении и с недоверием смотрели на него:

– Реально? Ну и на хрена оно тебе надо, Тём? – Сокрушался Деда.

– Да-а-а, не знаю... Не смог сидеть дома – там как-то всё работает и без меня. Вот потянуло на приключения. А ещё, парни, я пишу музыку.

– Что-о-о? – Все ещё раз очень удивились.

– Ну да, Батя, когда было одиннадцать, первый раз купил мне японскую музыкальную студию. Мама очень хотела, чтобы я был музыкантом, а папан хотел из меня мужика сделать, так, что знайте на будущее, я КМСник по боксу. – Он рассмеялся.

– Ого, ничего себе, поняли. А чё не понятно, всё понятно. – Все рассмеялись: – И чё, прям лабаешь на чём-то?

– Да, с самого детства, в основном гитара, клавишные.

– О-о-о, ништяк, завтра гитару надыбаем. – Уверено заявил Костя – Тэтхем.

Потом резко наступила ночь, и парни ещё долго глазели в звёздную сферу над головами с крупными звёздами, пролитыми, как капли молока, на млечный путь. Несколько раз видели спутники Маска в огромном количестве, летящими цепочкой один за одним.

¹² Садык – друг, на арабском.

На следующий день Тэтхем обежав многих, не мог найти музыкальный инструмент, только у летунов – хохлов нашёл сносную гитару и выцганил на какое – то время. Вечером Артём пел и пел очень хорошо, разное. Парни заслушались, кой – где подпевали в азарте. Все убедились, что Вольф не «сочинял» по поводу музыки. Ближе к ночи следующего дня, на разнообразной технике, разными группами выехали в сторону Триполи. Артём с отделением в пятнадцать человек во главе с Патефоном ехал по основной дороге к столице на неприметном белом автобусике «Hyundai», таком же, как и десятки других таких же едущих на трассе по своим делам, с тонированными стёклами и кондиционером. При полной луне в ночи, идеальная дорога змейкой уходила чёрной лентой вперёд, под россыпью звёзд, между синих песчаных гор и бледно – жёлтых барханов. Артём никогда уже не забудет некоторые виды Ливии – спускаясь с гор в долину под полной луной, как при включенной огромной лампочке в пять ватт просматривалась вся местность на многие – многие километры с садами и посёлками. Иногда проезжали оазисы с тёмно – изумрудной зеленью, сверху осыпанными серебром лунного света и тенью пальм на фоне голубых и синих барханов песка. Артём в полудрёме смотрел на эту сказку в пустыне, вспоминал о Марусе: «Интересная девчонка, что делает сейчас, в ночи? Машунь, ты меня слышишь?» – По ночному небу, поперёк движению автобуса, медленно летела звёздочка, моргая красным-зелёным огоньками: «Вот летит наверное сейчас надо мной вон в том самолёте, мило улыбается клиентам.» – Артём с грустью вздохнул, глядя в ночь через стекло, в ушах играл прекрасный So Hollow – «Let Babylon Burn». Автобус катил свои колёса по ночному асфальту. Проезжали финиковые и оливковые, также осыпанные серебром лунного света, сады. В пригородах попадались очень богатые особняки, огороженные высоким забором по периметру, за которым виднелись буйным цветением верхушки пальм и деревьев в густых садах. Проезжая через сами городки всё время попадали на мини рынки и базары, расположенные вдоль дороги, с помещениями типа гаражей разных размеров. Люди не спали, шныряли через дорогу туда – сюда, от лавки к лавке. Работали кофейни и мини – маркеты, вокруг кальянных было много частных машин, там толпился народ, из колонок доносилась их музыка. Работали шиномонтажки и автомастерские, проводились какие – то сварочные

работы. Было удивительно видеть такой «движ» ночью, но это восточный, местный колорит – днём жарко. Попадались места вдоль дорог, где работала тяжёлая техника – это были карьеры по добычи почвы с большим содержанием меди. Caterpillarbi с огромными ковшами под мощными прожекторами грузили грунт в кузова грузовиков, после, те медленно «выползали» на асфальт и колонной отправлялись на место разгрузки.

Удивительно смотрелись городки и посёлки с их ночным освещением: вдоль улиц горели фонари лазурного цвета, а перекрёстки светились ярко жёлтыми фонарями. Издалека самого посёлка особо не видно было, в домах у кого то очень редко горел свет, а вот фонари на улицах горели – это смотрелось в ночи как богатое ожерелье с голубыми алмазами, тянущимися бисером и с вкраплением золотых кулонов, с белым отливом, через равные промежутки между голубыми алмазами, а сверху россыпью бриллиантов разного размера, были вкраплены звёзды Пустыня, как оказалось, была по своему разнообразной и очень впечатляющей, иногда казалась нарисованной – сказочной.

Бусик ехал не спеша, такая была установка – прибыть к Триполи в ночь, под утро решили остановиться на отшибе и неприметном месте, в стороне от дороги. День провели в «заброшке», каком – то спортзале. Был обстоятельный разговор с командиром третьего взвода – Вашей. Он пытался преподнести то, как будет проходить работа в будущем, какое взаимодействие будет между отделениями и взводами.

Ближе к ночи следующего дня тронулись дальше и прибыли в городок Эль – Азизия, который находится южнее Триполи, в основном одно и двухэтажные дома из блоков песчаника на окраинах и несколько многоэтажек в центре. Стало известно, что тяжёлую технику отправляли с Джофры в последнюю очередь, разрознено. Ваурактар отработал по одному из тралов ракетой – сгорел трал и «Град» на нём – начинались первые потери.

В Эль – Азизия в основном все дома стояли пустыми, в них вся утварь была оставлена хозяевами, чувствовалось будто они вышли на время. Отделение заняло четыре дома и прилегающие дворы, они комплексно стояли отдельно от других близлежащих строений. Сразу занялись нехитрым обустройством круговой обороны, но на основном направлении оборудовали две пулемётные точки на крышах, укладывали мешки, находили какие – то металлические листы, прикладывали их к стенкам парапета. Основным направлением противника на данном участке была западная сторона, там на расстоянии в четыреста, шестьсот метров, через очень редкие сараи и чахлые сады, к комплексным строениям подъезжал противник на джихад – мобилях¹³, отстреливался в нашу сторону из «крупняка»¹⁴ и с «труб»¹⁵, быстро уматывал оттуда.

¹³ Джихад-мобиль – пикап с пулемётом в кузове.

¹⁴ «Крупняк» – крупнокалиберный пулемёт.

¹⁵ «Труба» – РПГ, МРО – А.

А справа, на севере, под утро, просматривалась окраина Триполи. Где – то на востоке города гроыхало, шли позиционные бои, стояли большие столбы дымов. Как стало известно потом, противник через летающий дрон – разведчик обнаружил отделение ВОП¹⁶ с гаубицей Д–30, был нанесён ракетный удар с летающего большого беспилотника Bayraktar. Его заходы над позициями ВОП и выходы ракет «воздух – земля» видели с крыш парни с отделения Патефона. Выжившие артиллеристы по радиации просили помощи, прибыла группа эвакуации и беспилотник, дождавшись группу, второй раз нанёс удар. Погибло десять сотрудников ЧВК и восемнадцать штурмовиков были ранены, это случилось десятого сентября. Горе показало, что изначально нужно быть собранным и внимательным, сильно задумались об использовании дронов – наступала их эпоха. Тогда, в девятнадцатом году, только начинали чувствовать эту существенную перемену в современных войнах.

Утром рассмотрели свой сектор фронта, слева были соседи из армии Хавтара, справа был пустырь, дальше отдельные дома и непонятные дворы с недостройками, небольшая низина с оливковым садом и объездная дорога на окраине столицы – Триполи. В основном, вместо заборов, дворы и участки по периметру огораживались нагребными валами из грунта.

Решили минировать пустырь справа и тыльную сторону, чтобы ночью не пропустить незваных гостей. Пункт наблюдения за фронтом сделали в какой-то непонятной комнате, построенной на плоской крыше среднего дома, спрятались от глаз. Простая деревянная лестница вела со двора на эту крышу. Стул, стол, бинокль и окно, выходящее на запад, занавешенное сетчатой снайперской накидкой – это всё, что вмещалось в помещение. «Вагнера» максимально вживались в роль Ливийской Национальной Армии (ЛНА). В отряде было много казахов, попытались основные переговоры по радейкам сделать на казахском, не долго сработало, парни запутались, перешли на цифровые коды, причём на английском.

Ночи в Ливии наступают моментально, сразу темнеет до непроглядной стены, если нет луны. В ноль – ноль на дежурство заступил Сюрприз, не спеша, присев на стул, сделал пару плотков приготовленного ароматного кофе, всматривался в темноту: «Ни черта не видеть».

¹⁶ ВОП – взвод огневой поддержки.

Не прошло и десяти минут, как резкие выстрелы слева из нескольких автоматов, от соседей – союзников, заставили подскочить Клима, он успел мельком глянуть в окно. Трассеры врывались в ближайшую насыпь перед расположением «Вагнеров», Сюрприз увидел несколько теней, которые бежали уже назад, перепрыгивая насыпь. Его сдуло ветром от окна, выбежал вправо по крыше, не разбирая сложенных сошек перекинул ствол своего пулемёта за поребрик и сходу открыл огонь по убегающим, лента болталась на весу, таскалась за пулемётом. Через короткое время прибежал с очумевшим взглядом Дувиген. На крыше левого дома заработал пулемёт Мухи, так перекрёстным огнём, меняя позиции два пулемётчика создали плотный, заградительный огонь и плюс союзники помогли слева. После затишья слышны были голоса в пятистах метрах впереди и уезжающие автомобили, на голос добавили в полной темноте туда несколько пулемётных очередей.

Всё отделение Патефона ночь просидело на «фоксе»¹⁷, заняли круговую оборону, и так до утра. Артём прихватил с собой хозяйское шерстяное одеяло, постелил под поребриком на крыше у пулемётного гнезда. Мухе не спалось, он дежурил, а Тёма тут – же лёг спать на одеяло, свежий воздух и лёгкий, тёплый ветерок действовали умиротворяюще на него, после того, что случилось ранее, но сейчас было тихо, звёздно и нескончаемый мягкий, убаюкивающий стрёкот множества цикад. Муха прислушивался к любому шороху, сидя за мешками, иногда рассматривал звёздное небо. Так прошла вся ночь. К утру солнце быстро вставало и сразу начало припекать, стал накаляться воздух – все проснулись. Сюрреализм будоражил не спавших «Вагнеров», в бинокль было лучше видно, как в двух – трёх километрах справа, на окраине Триполи, просыпалась гражданская жизнь. Как будто и нет войны, по объездной дороге ехали легковые авто, кто на работу, кто по своим делам, грузовички с товаром, микроавтобусы, грузовики – перевозчики бочек с топливом, фуры. Открывались лавочки, магазинчики, кофейни.

¹⁷ Быть на «фоксе» – быть в полной боевой готовности.

Когда совсем рассвело, небольшая группа во главе с Патефоном сходила к соседям слева – отблагодарить, прихватив с собой хороший чай и сигары. Оказалось, что у садыков, старший офицер сносно разговаривает на русском, учился в Киеве. Он и рассказал, что у них есть «теп-ляк»¹⁸, и что часовой вовремя заметил перемещение противника, разбудил командира:

– А когда я увидел, что они близко подобрались к вашим позициям, а вы молчите, понял, что не видите... Наверное. Специально в сторону отошли и трассерами дали вам целеуказания. – Заулыбался Ливиец: – Как учили в учебке.

Позже Патефон предупредил садыков, что наши пойдут вперёд обследовать местность перед собой.

Выдвинулось пятеро штурмовика. Пройдя первые насыпи под палящим солнцем, заметили бурые пятна на бруствере, похожие на кровь:

– О, возможно, цепанули кого – то?! Во, вот тут тащили его. – Комментировал Патефон. Пройдя, где – то четыреста метров, увидели в одном из дворов следы джипов и опять обильные бурые пятна, много стреляных гильз от крупнокалиберного пулемёта. Здесь стоял Джихад – мобиль, похоже здесь тоже кому – то досталось. Решили аккуратно понаставить растяжки с светوشумовыми шашками в этом месте.

Через сутки после перестрелки пришёл приказ сместиться левее на четыреста метров – прикрыть левый фланг двумя пулемётами, «Сапогом»¹⁹ и «Фаготом»²⁰. Оставив прежние позиции, двинулись к новым. Поселились в большом трёхэтажном доме, на первом этаже были комнаты, одна из них была молельной, игиловцы эту молельню сделали своим туалетом, давая всем понять, что они полностью отрицают это учение. Штурмана туда не ходили по нужде, соблюдая уважение к древней вере всех настоящих мусульман, занавесили проём в эту комнату занавесками из найденного тряпья. На втором этаже были комнаты, дальше, выше находилась лестница с выходом на крышу. Стены кой – где были исписаны какими-то игиловскими лозунгами черной краской, под арабской вязью две скрещенные сабли.

У штурмовиков было минимум всего, в маленьком рюкзаке Вольфа были необходимые вещи, остальное забито лентами от пулемёта. Была жара, и парни делали свои постели прямо на полу, стелили мешковину в два ряда, стелили более – менее чистые тряпки, так и спали, обживали дом и двор, пулемётчики готовили свои гнёзда на крыше. В общем обустроились, по возможности ходили в тапках, а если бы ходили в ботинках, то ноги бы сгорели и сгнили. Муха уже варганил чай на газовой горелке, с галетами и с джемом, это было настоящим деликатесом, очень вкусно с голодухи. Ночь прошла относительно тихо, бои гремели где-то на востоке Триполи. Позже нашли воду в чанах, появилась возможность помыться, еду стал привозить старшина, появилась и горячая еда привезённая местными садыками.

¹⁸ «Тепляк» – тепловизор.

¹⁹ «Сапог» – СПГ – станковый противотанковый гранатомёт.

²⁰ «Фагот» – ПТРК – противотанковый ракетный комплекс.

Однажды ранним утром решили обследовать сектор по фронту, сходить метров на пять-сот вперёд. До этого постоянно в районе вылазил из-за укрытия вражеский танк и периодически «кошмарил» базу ЛНА. Они попросили помочь и по возможности разобраться с этой проблемой. Ещё в ночь аккуратно впятером переместились через открытое пространство и втянулись в улочку с частными домами, шли осторожно, «нарезая углы», заглядывали в домики, сараи, закутки. В одном из домиков обнаружили кузнечные изделия, в основном для лошадей: кожаные сбруи с красивыми металлическими кованными вставками, медными пластинами с арабской вязью, кованные стремена, в восточном стиле, и много подков с разным рисунком посередине. Тэтхем не выдержал:

– У меня, у Бати коняга есть, возьму на хрен, может сохраню до конца командировки. – И в мародёрку за спиной закинул восемь подков, двинулись дальше. Прошли, где – то четыре-ста метров, стали более внимательными, подсобрались, опять появились игиловские надписи на арабском по стенам. Обстановка сама становилась напряжённой, мелкие детали, тишина и рассвет подсказывали, что парни находятся на вражеской территории. Сработала «чуйка» – в одном из домов, пройдя на цыпочках через веранду и коридор, обнаружили в большой комнате спящих на полу, на грязных коврах, подстелив какие – то тряпки под себя, несколько борода-тых личностей, на стене висел чёрный флаг с арабской вязью. В дальнем углу стоял пулемёт с двумя коробами, вдоль стены стояли несколько «Калашей». «Адушки»²¹ спали в разгрузках с гранатами и магазинами, в общем, были заряжены по полной. Стало ясно, что они здесь не одни и группа «Вагнеров» каким – то чудом прошла незамеченной через наблюдателей. Пате-фон с Сюрпризом решили выстрелами с двух подствольников отправить эту банду на небеса, и нужно быстро сваливать назад, гранат ни у кого не было. Напряжение было на пределе, пригото-вовились, два выстрела – грохот и крики отчаяния на арабском, заголосила вся округа. Ретиро-вались быстро с контролем крыш, улиц и окон, уже на пол – пути началась перестрелка, наших поддержали с базы, Муха поливал с пулемёта тот район, где подымался дым после выстрелов

²¹ «Адушки», Аду – враг, на арабском.

из подствольников. Перед крайней «открыткой»²² до бруствера базы был дом приличных размеров. Парни с базы прикрывали, но по группе «откатывающихся» на базу упорно стрелял пулемёт противника. Патефон, Вольф, Сюрприз, Деда и Тэтхем, в таком порядке забежали в дверной проём этого дома. Очередь прошла справа от группы шлепками откалывая от стены дома куски шлакоблоков и дальше, правее с искрами по асфальтной дороге пули рикошетом уносились в небо. Тэтхем влетел в дом, упав на четвереньки, его быстро выдернули в сторону, за укрытие, от дверного проёма:

– Ой пацаны, спасибочки, что пинка такого дали, я бы не успел...

Все переглянулись:

– Кость, ты крайний забежал. – Он с растерянностью, сидя на пятой точке, смотрел снизу в верх на всех, не сразу поняв в сказанное. Его подняли, Сюрприз стал рассматривать мародёрку Тэтхема, в ней была дырка с ноготь мизинца, полезли вовнутрь, в середине одной из подков застряла пуля. Все молчали в сильном изумлении, вот и не верь после в выражение, что «подкова на счастье». У дома был второй выход – во двор, прикрываясь зданием, группа отошла без проблем на базу. Танк не нашли, но, зато, обследовали местность.

Несколько дней было затишье, только в отдалении, где-то на востоке бахало и стреляло. Пришёл приказ – завтра утром идти в «наступ», в западном направлении, южнее Триполи. Дана была задача взять, зачистить городок Аль – Сабия. С ночи подбирались к точке сбора, пройдя восемь километров. Утром два отделения – Патефона, и Серёги Крафтера, командира третьего отделения собрались во дворе из четырёх домов, стоящих в двух километрах от городка, у асфальтированной дороги, идущей туда. Перед самым Аль – Сабия она поворачивала чуть направо, и проходила мимо огороженной частной территории, углублялась в городок.

До городка, вдоль дороги, то тут то там были отдельные дворы с несколькими строениями. Правее асфальтной дороги была низина с большим оливковым садом, также тянувшимся до городка, по правой окраине сада шла грунтовая дорога, параллельно асфальтной дороге и в конце поднимающаяся на пригорок и упирающаяся в дорогу, проходящую по периметру вдоль забора частной территории. Частная территория была огорожена сплошным забором,

²² «Открытка» – открытое пространство.

за ним виднелся ухоженный сад, и разные строения, как потом оказалось – это были гаражи, конференцзал, вертолётная площадка. А основными строениями там были – это два одинаковых, современных, четырёхэтажных здания, каждый этаж – это одна квартира, и того восемь шикарных квартир с прекрасной закрытой территорией.

Четвёртым отделением во взводе было отделение огневой поддержки, старший там был Рома Баграм. Основные наши джихад – мобили были с АГС²³, с пулемётами – спарками АМГ. «Сапог» был на лафете с колёсами, его возили в кузове очередного пикапа. Пикап же был машиной эвакуации, так – же возили «Фагот». В эту операцию к тяжелякам отправили для усиления и для прикрытия, Сюрприза и Дувигена с пулемётом.

Посоветовавшись во дворе, командиры отделений решили заходить в городок по двум дорогам, Крафтер со своим отделением идёт вдоль асфальта, Патефон со своими перемещается вправо и по грунтовке, вдоль оливкового сада движется вперёд. Их прикрывают на оттяжке джихад – мобил с ПТРК «Фагот» и «Сапог».

Начали... Отделение Патефона двинулось вправо, первым в «голове» шёл Муха с пулемётом, два штурмовика шли за ним, чуть дальше шло «ядро» с Патефоном, рядом шла мобильная группа, тыл прикрывал Вольф. Чуть дальше, сзади двигался пикап со спаркой пулемётов, и так цепочкой отделение влилось в сад. Два здания на закрытой территории, на небольшом холме вначале городка, проглядывались через листья олив. Пройдя оливковый сад поперёк, пятнадцать человек заходили в первый двор с несколькими квадратными строениями из песчаника и медленно шли дальше, вперёд. Над двором кусками был натянут тент, создавая при такой жаре хоть какую – то тень. По двору спокойно разгуливали куры, в тени лежали две белые собаки, высунув языки, тяжело дышали. Хозяева спокойно занимались своими делами, похоже муж и жена. Жена в загончике доила привязанную козу, муж ковырялся с мопедом, дети – три пацана мал мала меньше и девочка лет трёх с большими голубыми глазами и с кучерявой головой тут – же во дворе копошились в траве у стены дома, кидали камешки. Увидев идущих военных, дети вначале испугались, но потом стали улыбаться и махать ручками чужакам. Многие, увидев улыбающихся детей, улыбались в ответ.

²³ АГС – автоматический гранатомёт станковый.

Входя во двор, Артём разглядывал чёрноволосую, запылённую девочку, та улыбалась и махала ручкой. Она встретила взглядом с ним, они улыбались друг другу. Вольф достал с кармана конфеты «Бон – Бон», привезённые ещё с России, протянул их девочке. Она замолчала, замерла, смотрела снизу вверх открытым взглядом, гипнотизируя синевой глаз, медленно протянула ручку за конфетами, не сводя взгляда с Артёма.

В районе частного сектора послышался хлопок и нарастающий шелест, впереди идущие штурмовики рассыпались за укрытиями. Ракета, пролетев над верхушками оливковых, невысоких деревьев влетела в радиатор, под капот пикапа с «Фаготом», стоящего в начале сада. Артём, моментально схватив в охапку девочку, рванул за угол дома. Чуть прижал к стене, сам сел на колени перед ней. Вокруг началась пальба по двум четырёхэтажкам, в ответ зашлёпали о стены пули от пальбы противника, послышался звук рикошета. Заработала спарка пулемётов на другом пикапе, стоящем не вдалеке. Вольф в притык смотрел в испуганные, широко раскрытые, глаза девочки. Она со страхом смотрела на Артёма, непроизвольно с уголков глаз, переполняясь, потекли слёзы, пробивая чистые дорожки по пыльным щекам. У него сжалось сердце, попытался улыбнуться ей, но она оцепеневшая, пронизательно прожигала своей чистой, детской синевой очей, сердце Артёма: «Твою мать, ну почему так устроен этот мир?» Он сунул ей в ладонь конфеты, сжал кулачок:

– Кен хна – будь тут! Тамам – хорошо? – Девочка чуть дёрнула головой, поняв и согласившись. Артём рванул прочь, в бой, желая побыстрее обезопасить её и оттянуть рикошеты выстрелов противника в другое место.

По вспышкам было видно, что стреляли с многих окон частного сектора. Слева, с основной дороги открыли огонь наши с «Дашки» на джихад – мобиле. Были видны попадания о стенки четырёхэтажек, тяжёлые пули откалывали куски бетона вокруг окон и превращали их в пыль, которая заволакивала окна. Сквозь шум боя блеснул всполох огня в среднем окне второго этажа правой многоэтажки, опять послышался хлопок, и точка с шелестом начала быстро увеличиваться. Ракета опять прошла над оливковыми деревьями и взорвалась, второй раз попав в пикап Пика. Ракеты ПТРК ещё несколько минут вылетали самопроизвольно с кузова горящего автомобиля. Сильно контуженный Пик успел выбраться ещё с первого попа-

дания из начинающего разгораться авто, оставив все свои документы в саквояже из толстой кожи. В последствии они всплыли во многих европейских газетных и журнальных изданиях, Пик сразу – же попал в Интерпол, как разыскиваемый по всему миру преступник.

Отделения Патефона справа и Крафтера слева, медленно, перебегая из-за укрытия в укрытие, от дома к дому, продвигались к окраинам Аль – Сабия. С окон второго этажа левой многоэтажки заработали два пулемёта по двум направлениям, их поддерживали автоматы. Всё злее и злее, кучнее и кучнее ложились очереди по наступающим.

В критический момент, когда казалось «наступ» остановился, раздался громкий выстрел за оливковым садом. С асфальтированной дороги, из-за укрытия, Мадрид прицельным огнём с «Сапога» стал разбирать их оборону. Первым снарядом он заставил замолчать левый пулемёт, засадив прямо в окно, потом прицельно стрелял по крышам двух высоток, убирая наблюдателей. А с правой стороны Муха, умело действуя и часто меняя позиции наваливал с пулемёта, так – же заставил замолчать правое орудие противника. Оба отделения работали двойками, «наступ» продолжился. Стало слышно и видно, как духи побежали в город с частного сектора. С боковых ворот одна за другой на скорости выезжали забитые людьми легковушки и с визгом срывались в тыл, поднимая пыль. Соппротивление резко спало, что и нужно штурмовикам, они втягивались во двор и двумя двойками – четыре человека, рассыпались по зданиям на территории для зачистки. Артём нагнал Муху, и они с Тэтхемом и Дедой вломились в холл квартиры на первом этаже правой четырёхэтажки. Там ещё висела пыль, поднятая от предыдущей стрельбы. На втором этаже, в большом зале, было всё разнесено, в нескольких местах тлело и дымилось, везде валялись стрелянные гильзы, изрешечённые стены и развороченное пулемётное гнездо, после прилёта заряда с «Сапога». Лежало несколько трупов, убегающие не успели их забрать.

Захватив частную территорию и обследовав все закутки и комнаты, штурмовики начали обживать её. В подвале правой четырёхэтажки сделали эвакуацию, на крышах выставили «глаза». Нужно было двигаться дальше. В начале городка, за забором территории, находились дворы с домами приличных размеров справа и слева асфальтной дороги, уходящей в сторону Триполи. Отделение Патефона выйдя за забор двинулось на северо – запад, не спеша перебежали двойками через небольшой пустырь к задним заборам домов справа от дороги, рассредоточились там. По команде начали перелазить через заборы – зачищать помещения, дома, территорию. Отделение Крафтера двинулось с частной территории на запад, зачищать дворы и дома слева от асфальтной дороги. Перейдя её, двинулись на север, началась работа от двора к двору, от дома к дому парни аккуратно входили вглубь городка. Договорились с Патефоном сойтись в середине городка, на рыночной площади. Работа шла неспешная, пока всё было тихо. Кой – где попадались гражданские в своих домах, с ними были очень вежливы, не нарушая традиции, женская часть дома – харам!²⁴ С левой стороны первой шла двойка Ирбис-Банзай, вышли на край площади... И, сразу с двух сторон площади, с севера – из магазина и через дорогу справа – с частного дома по ним открыли перекрёстный огонь. Оба упали, сражённые пулями. К частному дому сзади бегом подтянулось отделение Патефона, перебравшись во двор через забор, две двойки вломились в дом со двора. Произошёл короткий бой, духи не догадались о тыле и четыре бородача легли мёртвыми в комнате под окнами. Здесь Муха наконец – то нашёл короб на сто патронов к пулемёту. Пока наступило замешательство у противника, Мадрид решил вытащить «тяжёлого» Ирбиса, ему две пули прошли через грудь на вылет, Банзай, раненый в правую ногу выше колена, самостоятельно оттягивался за Мадридом с Ирбисом. Их заметили, открыли огонь, Мадрид с ранеными сразу ввалился в ближайший дом, левее дороги. Противник поливал с двух пулемётов из магазина, не давая возможности подойти нашим на

²⁴ Харам – запрет.

помощь, сам начал окружать, ПНСовцы обегали дом слева через пустырь, от укрытия к укрытию, сближаясь. Отделение Крафтера залегло под ливнем пуль.

– Парни нужно вытягивать раненых нам, у Крафтера – жопа. – Патефон быстро распорядился: – Так, Муха, ты наваливаешь по команде с окон по магазину, а мы. – Это были Вольф, Гиена, Тэтхем и сам Патефон: – Постараемся попасть к ним и вытянуть пацанов.

Группа оттянулась за дом, перелезли через забор и обойдя его за угол приготовились у края перебежать дорогу. По радейке Патефон дал команду Мухе, тот начал активно «поливать» с пулемёта по окнам магазина, находящегося по диагонали через центральную площадь, в северной части. Сам Муха менял позиции и стрелял с разных окон. Парни под его прикрытием перебежали без происшествий, тихо ввалились в маленький дворик нужного дома, у двери на крыльце обозначили себя русским матом для Мадрида. Он сильно волновался, но поняв, что это свои впустил в дом, опустив ствол автомата. Ирбис вытек – двести, Банзаю сделали тугую повязку, остальные штурмовики активно открыли огонь из всех окон по противнику, остановив его наступление, потоп тени в черных одеждах, похоже игиловцы – смертники, стали отступать, кто – то падал на землю тяжело раненый или уже мёртвый. Парней вытянули, раненых и убитых, отвели и отнесли в подвал эвакуации в четырёхэтажку частного сектора.

Прибыл пикап с АГС, и Огама с Кумским с ходу выпустили всю «улитку» в окна магазина. Кто остался жив после этого, уходили из городка на виднеющуюся вдалеке окраину Триполи. Вечером собравшись на первом этаже правой четырёхэтажки, думали, как обустроить базу в городке. На завтра решили, что помимо частной территории, начнут обживать добротные дома с правой стороны от дороги, сделать в заборах проходы для удобства максимально быстрого перемещения между ними. После, ужиная, помянули Ирбиса. Вольф лег в спальнике рядом с Мухой:

– Ох, Риня, «весёлая» командировка у нас получается. – Грустно проговорил он.

– И не говори. Ты как, Тём?

– Да нормально. Сразу, блин, не как в первую. Необычно немного, но ничё, научимся. – Вдруг вспомнил большие голубые глаза заплаканной ливийской девочки, уже быстро засыпая от усталости, в конце перед пропастью сна из памяти выплыли Машины глаза, чуть наивные и грустные. Уже совсем засыпая – чуть улыбнулся приятным воспоминаниям о ней.

Наступало утро жаркое, солнечное, пыльное. Штурмовики взялись за работу: подрывали в нужных местах заборы, подтаскивали оборудование в дома у дороги, питание, воду, выставляли наблюдение на крышах, заделывали окна. Так было два дня, готовились к накату, но всё было тихо, пока...

Опять Bayraktar... Выпущенная ракета влетела в одно из окон дома у дороги. Досталось отделению Мошки, только наблюдатель остался жив, он в это время был на крыше, и сильно контуженный сам выбрался из развалин. Прилетело до обеда, сильный взрыв вспучил дом, подняв и обрушив крышу, четыре бойца погибли на месте, трое были ранены. Убитых понесли, раненых повели в эвакуационный подвал четырёхэтажки. А перед этим Чума и Патефон забирались на эту крышу для рекогносцировки, успели спуститься и отойти недалеко. По всей линии столкновения наступила пора беспилотников Bayraktar, горела техника, доставалось и штурмовикам, кто «засветился».

Два отделения пробыли где-то десять дней в Эль – Сабия, аккуратно наблюдая и готовясь всё время отразить атаку. На крыши лишний раз не вылазили. Патефону и Чуме пришёл приказ – передать городок войскам Хавтара, сейчас взять две трети отделения и прибыть в штаб, который находился в тылу, каком – то госпитале. Остальные оставшиеся передают оборонительные рубежи союзным войскам.

Прибыли в штаб вовремя, только что прошёл доклад – при штурме «Школы» на окраине городка Эль – Джафара отделение Кобры попало в засаду, ведёт бой, держит круговую оборону, требуется помощь в деблокировании штурмовиков.

Подходили ускоренно, стрельба была слышна издали в большом здании, который выделялся над оливковыми садами, бой шёл не на жизнь, а на смерть. Прямая асфальтированная дорога проходила по восточной окраине городка Эль – Джафара, он был чуть ближе к Триполи, чем Эль – Сабия. В нём уже готовились к боям с ЛНА, на подходе перекрёстки на этой дороге были пересыпаны песочными брустверами. На участке где – то шестьсот метров до школы отделение Патефона закрепилось на одном Т-образном перекрёстке за бруствером. Дальше слева от дороги до «Школы» были два частных сектора в виде больших огороженных по периметру высоким забором богатых дворов с несколькими строениями и мини дворцами-домами по середине, утопающих в зелёных садах. Эти два отдельных частных сектора находились посреди оливкового сада, который был между дорогой и восточной окраиной городка. «Школа» находилась так – же с левой стороны у дороги в шестистах метрах впереди от отделения Патефона. Дальше по дороге, сразу за ней, виднелся перекрёсток, который также был засыпан песчаным бруствером поперек. Справа от дороги также шли сады с оливками и финиками, делённые на участки песчаными насыпями, подходящими торцами вплотную к дороге.

Отделение Кобры пришло по этой дороге к «Школе» – так называли это большое двухэтажное здание в штабе, по темноте, аккуратно, цепочкой до восхода солнца. Данное здание заинтересовало своим размером и удобством – руководство «Вагнера» решило попытаться сделать здесь базу и наблюдательный пункт, удобный для осмотра окраины Эль – Джифары на западе и на севере просматривалась окраина Триполи. Игилловцы в двух, частных больших дворах слева пропустило штурмовиков не замеченными. «Вагнера» двумя группами, с двух сторон стены большого здания у дороги, зашли на первый этаж и встретились в огромном холле. Каково было их удивление, когда обнаружили спящих на полу в спальниках с десятком вражеских солдат, за ними, внутри здания, с западной стороны, стояли три огромных джипа Toyota «Tundra». В их кузовах виднелось загруженное оружие, частично накрытое брезентом. Без сомнений решили уничтожить противника и с ходу захватить здание. Открыли огонь – в полупустом здании раздался грохот. В торце первого этажа была широкая лестница по середине до меж – этажной площадки и по вдоль стен слева и справа пролёты поднимались на второй этаж. По ней первым

рванул снайпер Май, проскочив первый пролёт и с ходу по левому пролёту хотел попасть на второй этаж... Выстрел – пуля попала точно в лоб. Он даже не почувствовал боли, отлетел к стенке уже мёртвым, без крика. «Вагнера» по-сомалийски открыли огонь по второму этажу в ответ, в стенку прилетел рой пуль, они рикошетили и с визгом пронеслись между штурмовиками. Как потом стало понятно – на площадке второго этажа, чуть дальше от лестницы была сделана баррикада из мешков с песком, потому противник смело сидел за ними и отвечал на атаки «Вагнеров». Громко заорали по-арабски, вызывая помощь, с окраины городка по первому этажу открыли смертоносный огонь в открытые ворота за машинами, изрешетив кузов сзади одной, в редкие окна.

Анри ринулся было закрывать, успел только прикрыть одну половину, пуля попала выше колена правой ноги. Его вытащили из-под обстрела, наложили жгут и обкололи обезболом. По первому этажу огонь усиливался, штурмовики огрызались, заняв круговую оборону, запросили помощь на эвакуацию. В кузовах двух других пикапов, защищенных стеной от городка, обнаружили разные «трубы»: РПГ-17, РПГ-22, МРОшки²⁵, были импортные «трубы» магазины от автоматов, гранаты и другие боекомплекты. Естественно, воспользовались всем, стреляя по окраине Эль – Джифары, не подпуская ближе желающих окружить. Анри истекал кровью, только через четыре часа слышались пулемётные и автоматные очереди издалека, завязывался уличный бой – пришла подмога.

Отделение Патефона закрепилось за бруствером, стали наблюдать с бинокля за насыпью в шестистах метрах, которая была за «Школой», там мелькали головы противника. Сюрприз выставил пулемёт на вершину бруствера справа дороги, Муха слева, вместе открыли огонь. Через короткое время с двух больших дворов и домов слева и чуть впереди, в оливковом саду, открыли огонь по отделению. Огама и Кумск были расчётом АГС, они оттянулись назад от бруствера и закрепились правее дороги в воронке. Настроив гранатомёт, открыли огонь по ближайшему дому в саду, одна из гранат попала в верхушку столба у дороги над отделением Патефона. Маленький осколок залетел в шею бойцу Сандалу, тот изобразил сильное ранение и сразу попросился в госпиталь и уехал в тыл на первой машине эвакуации – запаниковал. А бой продолжался, с окраины городка, через сады потянулась помощь в виде пехоты противника к первому дому. Вольф, заметив это, толкнул Муху, показав на опасность, тот перекинув пулемёт левее бруствера открыл огонь по ним – враг залёг, а потом уже не все смогли оттянуться назад, огрызались. Так два друга и работали – один стрелял, другой следил вокруг, заряжая ленты. Солнце было в зените, жара максимально давила температурой, от оружия также шпарило жаром, обжигая руки даже в тактических перчатках. По «Вагнерам» стреляло всё: с окраины городка слышны далёкие автоматные очереди, с домов в саду шёл интенсивный огонь, со второго этажа «Школы» вели огонь, с дальнего бруствера стрелял пулемёт и всё по отделению Патефона. Пули зарывались в песок, раскидывая брызги, осыпая глаза и поднимая пыль, рикошетили об асфальт, искря и оставляя полосы дыма. Сектор и Муха, парни с автоматами отвечали, постоянно перемещаясь. Огама с Кумским из АГС максимально «тушили» пулемёты противника, бой с наружи продолжался, где – то уже два часа, но и внутри «Школы» шёл бой, периодически оттуда выстреливала какая-нибудь «труба» и на окраине городка что-то или кто – то взрывался. Справа к дороге подтянулось отделение Донца, залегла чуть ближе к школе, за бруствером.

Послышался шум, из – за Школы вылез чёрный Otoкар «Собга» – турецкий небольшой броневик и тоже, с ходу, открыл огонь из пулемёта, медленно покотился на бруствер с отделением Патефона.

– Муха вали обвес и «лобаш»²⁶. – Проорал Сюрприз, сосредоточив огонь на броневик.

²⁵ МРО-А – малогабаритный реактивный огнемёт.

²⁶ «Лобаш» – лобовое стекло.

- Что? – Не расслышал Муха.
- Вали броневик!

От двух пулемётов водительское лобовое стекло «СоБг» – ы стало покрываться паутинками, а потом и вовсе превратилось в непроглядное молоко, пассажирское стекло также «ослепло», с треском и снопом искр посыпался обвес на крыше: трубки дымовых шашек, камеры, оптика и ночник дистанционного управления пулемётом. Пулемёт замолчал, «Собга» остановился на пол пути, получая всё больше и больше броневойно-зажигательных пуль, брызгая разрывами цветных искр, медленно стал разворачиваться. Чёрная побитая тень поползла обратно, получая в задние скошенные борта рикошеты с дымом. Броневик униженный, завернул за угол «Школы», а бой продолжался. Парни Донца прибавили в огневой поддержке, АГС закидывал ВОГи²⁷ в ближний дом в оливковом саду. Гранаты рвались во дворе, о стены и на крыше дома, ответный огонь противника оттуда прекратился. Патефон с двумя двойками по диагонали, через сад двинулись к забору этого дома. Кумск с Огамой пока прекратили стрелять, остались две резервные «улитки»²⁸, по радейке запросили подвоз дополнительных коробов. Баграм-командир «тяжелых» принял запрос. Пока ждали, Кумск перебежал от АГС под бруствер, стал помогать Сюрпризу, забивал ленты патронами, Дувигена не было, он остался в Эль-Сабе. Молодой Кумск горячился, пытаясь так показать свою храбрость – неоправданно высывался из укрытия. В один момент осколок от разрыва, не долетевшего и взорвавшегося перед бруствером об асфальт снаряда РПГ, попал ему в козырёк кепки, она улетела напрочь, Кумск замер от неожиданности.

- Кумск, съёб... съ отсюда. – Заорал Сюрприз и толкнул его в бок.

Ближний дворец – дом в оливковом саду слева стал нашим, Муха с Вольфом взяв пулемёт и доп. БК²⁹ рванули к нему. Через проём в бетонном заборе забежали во двор. С второго этажа «Школы» прилетела «морковка»³⁰ из РПГ, снаряд попал в водяной радиатор на крыше дома, разорвался, и вместе с брызгами воды осколки веером осыпали верхушки деревьев за забором. Штурмана ввалились в дом, по лестнице поднялись на второй этаж, Муха с ходу выставив пулемёт в окно спальни, открыл прицельный огонь по окнам второго этажа «Школы», не взирая на прилёты, рикошеты и шлепки о стену пуль противника. А в это время незаметно на окраину городка Эль-Джифара выкатил джихад-мобиль с крупнокалиберным пулемётом и открыл огонь по дому с «Вагнерами». В стену дома стали прилетать убойные, тяжёлые пули, изнутри в спальне это очень ощущалось. Дом затрясся, левая стена моментально стала покрываться паутинами трещин. Муха, увлечшись своей работой, этого ничего не видел. Артём ухватил друга за спасательный карабин сзади и потянул за собой, крича:

– Риня, уходим, шухер. – Что пришло быстро в голову. Муха, почувствовав опасность, самостоятельно рванул за Вольфом на первый этаж, и вовремя... Большой кусок левой стены в спальне обвалился на широкую кровать, потянув за собой угол крыши. Броневойно-зажигательные пули смертоносно загуляли по спальне, рикошета от всего и пробивая следующую стену комнаты, спальня загорелась и задымилась, начинался пожар. Внизу собрались все, Патефон по радейке вышел на Баграма и продиктовал координаты с Alpine, где стоял джихад – мобиль на окраине городка.

– Ща, Патефончик, «Сапог» выставляется уже, скину Мурату адрес. А пока разгружаю «улитки» Огаме, они тоже сейчас начнут ебаш... ь, помогут вам.

– Всё, ждём, как отработает «Сапог», начнём откат назад, пока растяжки ставим, здесь уже делать нечего – пожар.

²⁷ ВОГ – выстрел осколочный гранатомётный.

²⁸ «Улитка» – короб для АГС с 29 ВОГаами.

²⁹ Доп. БК – дополнительный боекомплект.

³⁰ Морковка – термобарическая граната ТБГ–7В.

– Принял.

«Сапог» бабахнул с крыши дома в трёхстах метрах сзади справа, за дорогой. Как всегда громко, ракета помчалась к окраине городка над верхушками финиковых деревьев, мгновение... И джихад-мобиль взорвался, потом загорелся. Трескотня чуть умолкла. Сюрприз, понимая, что группа Патефона откатывается обратно, увеличил длину очередей по «Школе». Весь огонь со «Школы» перекинулся на него и бруствер правее дороги, где стреляли штурмовики Донца. С дома, через сад, назад потянулись цепочкой бойцы, Муха с Вольфом замыкали, оттянулись все, без потерь. Бой шёл уже долго, начало вечереть, духота и жажда напоминали о себе, стоило чуть остановиться, сразу хотелось пить.

Наступал тупик, как вызволять парней пока не было мыслей, справа открытое место с жидкими садами, прямо четыреста метров асфальтная дорога и «Школа», стреляющая со второго этажа и крыши, за ней насыпь поперек дороги, оттуда периодически стреляет пулемёт, слева сады и окраина городка напичканная огрызающимися игиловцами. Решили к ночи насыпать по окнам второго этажа «Школы» с АГС и «Сапога». Заработали с новой силой. В районе окон второго этажа, и внутри здания начали взрываться ВОГи, Мурат с «Сапога» точно загнал снаряд в одно из окон, и тот бахнул где-то внутри помещения, там задымил – начинался пожар. Мурат отличился – загнал пять раз ракеты в окна второго этажа. После разрывов этаж разгорался всё сильнее и сильнее. В начинающихся сумерках, тени и свет пожаров заплясали по внутренним стенам. Было слышно, как там в перерывах между стрельбой внутри здания, раздавались крики и проклятия на арабском. В этот момент в потёмках из здания «Школы» вырвалось белое пятно – джип. «Tundra» выскочила на асфальт, не включая фар, повернув в сторону «Вагнеров», на всех парах рванула вперёд, все растерялись, перестали стрелять и «Вагнера» и противник. Водитель в боковое окно вытащил какую-то белую тряпку и дал понять, чтобы не стреляли. Когда джип сравнялся с бруствером, за которым были штурмовики Донца, противник открыл шквальный огонь, поняв свою оплошность, но было уже поздно, джип свернул влево, съехав с асфальта в сад и укрывшись насыпью. К нему рванули все, за рулём был пулемётчик Бизон из отделения Кобры. В салоне и кузове были раненые и двое убитых.

Огонь усиливался, в темноте беспорядочно стали прилетать снаряды с РПГ, теперь нужно было быстро уносить ноги. Убитых несли на шерстяных одеялах, отходили. Метрах в четырёхстах сзади и правее от дороги, был комплекс строений, по периметру была насыпь приличных размеров – то, что надо. Пока несли в ночи, в духоте, выдохлись – целый день шёл бой, хотелось пить и немного есть.

С трудом добрались до укрытия. Там стояли пикапы Баграма с тяжами, в них была вода и сухпаи. Раненых и убитых забрал Мадрид. Оставшиеся парни в тишине и ночи вдруг ощутили невероятную усталость. Патефон распорядился с охраной территории новой базы, разделив всех на четыре группы и разрешив парням до утра спать на крышах четырёх зданий. Штурмовики Кобры благодарили за помощь, потихоньку отходя от дневного стресса. Чуть позже, в ночи Кобра повёл своих дальше в тыл, в четырёхстах метрах был такой же комплекс строений за насыпью по периметру. Отделение Донца отошло с докладом в штаб на усиление.

Все выбились из сил, разделённые группы заступили по очереди на дежурство. Хотелось есть и спать, воды напились. Ночной ветерок худо-бедно остужал воздух. Дежурили по часу, и с рассветом всё ещё уставшие и сонные убирались с крыши, заваливались на пыльный пол, не разбираясь, в душные, грязные комнаты. Когда уже рассвело и стало жарче в помещениях, парни просыпались с трудом. Чуть расходившись и умывшись Сюрприз и Муха договорились тянуть спички – кто первый чистит пулемёт, короткая выпала Мухе.

– Эх, так всегда. Риня, кофе хоть сварганишь?

– Хе, хе, угу. – Ринат, немного опухший спросонья, улыбался. Сюрприз пошёл дежурить с пулемётом на улицу. Кумск вышел с ним и помогал у бруствера из тряпок и палок сооружать

навес над пулемётным гнездом. Из-за прилётов ракет с Ваурактаро'в на крыши днём не лезли, решили закапываться возле домов.

Прибыл Скелет – популярная личность в Конторе. Осмотревшись и обойдя периметр, он определил основное направление противника. Стал минировать территорию, перед насыпью установил пять направленных мин МОН 50, за территорией, в кустах и насыпи у дороги поставил прыгающие ОЗМ72, территорию в округе заминировал на славу.

По базе витал трупный тяжёлый запах, чуть с приторностью – возле дома, у правой стены ещё недавно было оборудовано пулемётное гнездо. Два бойца из отделения Кобры здесь погибли жесточайшим образом – в них прилетела термобарическая ракета, расщепив на множество кусочков. Всё что смогли собрать потом – собрали, остальное присыпали песком.

Пришло время чистить пулемёт Сюрпризу. Муха ушёл дежурить на позицию в левой части двора, расположившись под навесом на насыпи, поглядывал через бинокль на дорогу, сады, сгоревший дом-усадьбу и злосчастную «Школу» вдалеке.

Сюрприз зашёл в среднее здание: по коридору слева шла стена, по вдоль её стояли уже почищенные автоматы и АГС. Справа дверь в одну комнату, дверь в туалет, потом дверь в душ, и ещё в одну комнату. Дошёл до кухни и столовой, справа вдоль стены буквой Г стояла кухонная мебель, Клим поставил пулемёт на столешницу, стал неспеша разбирать. Слева была столовая с диванами и стульями, на столе стоял СПГ «Сапог». Мурат с Кумским чистили его. Скрипнула входная дверь, Сюрприз выглянул из-за угла, на пороге стоял угрюмый Бек, встретившись глазами, сказал:

– Парни, Бизон – двести. – Все притихли, перестав чистить оружие. Оставшееся отделение Кобры оттянули подальше на восстановление и пополнение, в тыл, за отделение Патефона. Бизона, как пулемётчика, временно забрали на усиление к Крафтеру. Бек продолжил:

– Сидел в комнате, на втором этаже, наблюдал в окно, как – то его заметили. Ваурактар засадил ракету прямо в проём.

Все встали минутой молчания помянули товарища. Бек прошёл через кухню в холл, сел на матрас, и молча, смотрел в одну точку, чуть покачивая головой. Через время Сюрприз грустный, дособрал пулемёт, думал о Бизоне, он его немного знал из предыдущей командировки, парень с Татарстана, хороший воин, пулемётчик... Сильнейший грохот, из коридора моментальный пролёт чего-то и... У Сюрприза в мгновение «потух свет».

Он сидел под навесом, во дворе, как попал сюда, что случилось, Сюрприз ничего не понимал и не помнил, был весь в пыли, множество царапин на лице, руках, один рукав надорван по шву в плече, смотрел на руки – они тряслись, он не чувствовал своего тела и не слышал, только слабый писк в тишине. В дверном проёме, вернее в овальном отверстии в стене, в облаке пыли, появился Карабах, махал руками, что-то кричал. Клим, сильно контуженный, не успевал за мыслями: что произошло, как он тут оказался, что хочет Карабах? Вокруг всё заволкло дымом, в разрушенном углу дома, там, где была столовая, разгорался пожар. Наконец дошло – понял, что нужна помощь. Клим аккуратно встал, почувствовал, как тело начинает отзываться, потихоньку приходила тупая боль по всему телу, сильно болела правая нога, как от ушиба, качаясь, медленно зашёл в проём. Оружия в коридоре вдоль левой стены уже не было, половины самой стены тоже, также часть стены в столовой отсутствовала, мебель разнесло в щепки, были руины и там начинал разгораться пожар, всё было в дыму, огненные искры неспеша разлетались по дому.

Ракета залетела точно в дверь, пролетев коридор, взорвалась в конце столовой, за спиной Сюрприза, находившегося на кухне. Основная ударная волна ушла вперёд, через большой проём двойных стеклянных дверей, выходящих на верандочку во дворе, за столовой. Часть волны отработала назад, разнеся стены в столовой и части коридора, раскрошив шрапнелью всю мебель там, посекала и нащиговала ими Мурата и сильно обожгла Кумска, тот обгоревший, стонал, Мурат тихо лежал. Во время взрыва Бек сидел за кухней в холле на матрасе, взрывной

волной из – под него вырвало матрас, его самого ударило о стену и сильно контузило. Сюрприза чудом миновали осколки, только сильная контузия прошла по нему. Пока разбирали завалы, прибежали парни Кобры, помогали выносить раненых под навес. Кумск умер, молодой парень, эта была его вторая командировка, отличный воин, не кланялся пулям и опасностям. Мурат уходил долго, весь изрешечённый шрапнелью, вытекал – жизнь уходила, позже и он оказался за воротами Рая. До взрыва остальные парни с отделения были на улице, занимались кто чем, кто в наряде, кто занимался обустройством. Потом была первая неразбериха и суета, пыль, дым, огонь и крики. Муха и Вольф помогали в разгребании завалов, вытащив парней, доставали разлетевшееся оружие, ящики и цинки с патронами, оставшиеся шлемы, разгрузки, «броньки»,³¹ тушили огонь.

К брустверу, откуда вчера стреляли «Вагнера» по «Школе», подъехало три джипа. Вооружённые игиловцы, около двадцати пяти человек, рассыпались и перебежками начали приближаться к базе. Все разом очнулись, когда услышали хлопок выстрела из РПГ, снаряд тут-же взорвался о стену холла среднего дома. Все рванули в рассыпную, часть бойцов Кобры побежали к себе на базу, за пулемётами, остальные рассредоточились по периметру. За вторым бруствером сработали две мины – МОН 50, послышались крики и стоны раненых. Муха с Вольфом рванули в левый угол базы, а Сюрприз, найдя свой пулемёт целым и невредимым в разрушенном доме, побежал к правому углу базы. Выбежав за угол дома, увидел за бруствером поднимающихся по нему двух бармалеев, Клим с ходу прыгнул в старое укрытие, открыл огонь. Он был сильно контужен и поэтому эхо от ближайшей стены оглушило его окончательно, из-за бруствера полетели гранаты. Сюрприз отстреливался до конца, выстрел с РПГ разорвавшийся рядом вырубил его сознание. Когда он очнулся – ничего не слышал, голова сильно кружилась и болела, давило виски, тошнило, во рту было сухо. Почему – то в его голове была мысль, пока лежал в отключке, отделение оттянулось назад, на базу Кобры и он здесь остался один. Пока так думал, стрелял по верхушкам бруствера, расплывающегося в глазах, как ему казалось, там был противник, потом полез из укрытия, очень не хотел, чтобы его окружили и из-за стены дома, сзади кто –нибудь выскочил. Пальцы через песок вошли во что-то мягкое, песок в этом месте осыпался, оголяя гнилые внутренности убитого организма. И только теперь Клим увидел и почувствовал, как вся одежда извозилась в остатках трупов, запах исходил и от него. Почти вылез, как из-за угла выскочил... Марафон. Сюрприз от неожиданности чуть не нажал на спусковой крючок, но через мутный взгляд понял, что это свой, сознание поплыло и он потерял сознание. Марафон по радёйке вызвал подмогу, с левой части базы прибежал Вольф, подхватив Сюрприза, отнесли в пикап. Он лежал на множестве «труб», распространяя трупный запах, но этого не чувствовал. Марафон рванул к частной территории в эвакуационный подвал. К Сюрпризу иногда возвращалось сознание, с ушей и носа текла кровь. Он смутно понимал, что происходит, мысли никак не собирались в логическую цепочку. Позже его перевезли в госпиталь.

Со временем отделение Кобры усилили, подминировали большее пространство вокруг его базы. Отделение Патефона отвели в тыл, сказали осесть в определённом районе. Заехав в заданный квадрат, парни стали выбирать, где останутся. Разом всем понравился дворец среди оливкового сада. Огромная территория, по периметру с высоким забором, внутри оазис ухоженного, утопающего в зелени сада двор. Пикапы проехали по цветной галечной дорожке к подъезду с колоннами и большим балконом на втором этаже. Перед прекрасным дворцом был бассейн с фонтанчиком в круглой чаше. Объехав фонтан автомобили остановились у мраморных ступеней. Все были в шоке, многие такую красоту видели впервые. Но удивления продолжались, поднявшись и зайдя во внутрь, все опять ахнули – середину холла занимал огромный аквариум в полу под толстым стеклом с подсветкой, там плавали морские разноцветные

³¹ «Бронька» – бронезилет.

рыбы. Смотрелось очень необычно для варягов, прибывших с севера, не привыкших к такой роскоши, все, как дети, залипли за этим зрелищем. Патефон, взяв Марафона, как водителя, Муху и Вольфа за пулемёт, поехал в штаб на джихад-мобиле. Старшим оставили Тэтхему, отправились, ещё раз любуясь дворцом и великолепным садом. Дорога в штаб была по трассе между южными пригородами Триполи. Была видна война, везде по дороге попадалась сожжённая техника ЛНА вперемешку с техникой ПНС, Ваурактар'ы, ПТРК и «Сапоги» поработали на славу. В штабе провели три часа, там дали указания готовиться к штурму аэропорта на юго-востоке Триполи, нужно расширять плацдарм. В штабе были командиры других отделений, обговаривали, где и какие объединившиеся группы будут заходить на территорию – это была предварительная установка. Назад возвращались вечером, уже издалека вид дворца насторожил, что – то не так было с крышей и вторым этажом, верхушки некоторых деревьев перед дворцом были в пыли и переломаны. Во дворе поехали по крошке и мусору от стен и крыши, из второго этажа шёл дым, фонтан был захламлён. У приехавших сердца сжались от мысли: «Опять Ваурактар... Что с парнями?» Пробрались на авто к подъезду. Тишина... Через некоторое время на крыльцо вышел первый, чуть позже второй, третий... Все. «Слава Богу, живы.» – Патефон выдохнул, но что-то вид был у них очень виноватый – все стояли молча в ряд у стенки, мялись с ноги на ногу и смотрели в пол.

– Что случилось, Ваурактар? Сколько ракет прилетело? Что молчите? Тэтхем?

– Да чё я то? Вон Леший.

– В смысле, Леший? Что случилось – то?

– Да это... Ну в общем, мы после, как вы уехали, на втором этаже, в спальне сейф нашли. – И тишина, Леший тянул.

– Та-а-ак... И чё? – Патефон напрягся, стал догадываться о случившемся.

– Ну и... Решили вскрыть подрывным зарядом. Подумали, что одним зарядом мало, объединили два. – Леший опустил глаза, замолчал.

– Вы дебилы?! – Даже как-то не спрашивая, а больше утверждая, заявил Патефон. В среднем один пробивной заряд имел килограмм пластида или тротила – этого хватало проделывать проходы в бетонном заборе, кирпичных стенах зданий, а два заряда – это, много.

– Да, ну кто ж знал, что так получится? – Пробубнил Леший.

– Ой бля, пиз... ц. – Сокрушался, качая отрицательно головой Патефон: – А чё с сейфом – то? Чё там? – Он внимательно посмотрел на Лешего.

– Не знаю. – Повёл плечами Леший, невинно глядя в ответ.

– В смысле? – Патефон в удивлении ещё раз разглядывал Лешего.

– Он это... Улетел! – Леший магически водил руками круги перед собой.

Чего? – Андрей свёл брови, совсем потерялся.

– Мы его не нашли, искали и... Не нашли. – Всё так же невинно смотрел в глаза, не моргая, Леший. Патефон, видя этого невинного дитя под два метра ростом и последствия его развлечений, не выдержал, рассмеялся в истерическом хохоте. За ним потихоньку смех перекидывался от одного к другому, а потом смеялись все. Зашли в холл, а там... Аквариум лопнул от падения сверху куска бетона, вода вытекла, рыбы задохнулись.

– И-ди-о-ты! – Протянул, сокрушаясь, Патефон.

Так прожили четыре дня, на первом этаже, настелив матрасов, одеял и тряпок разных на мраморный пол. Сейф так и не нашли, похоже его завалило где-то на втором этаже. В саду рвали и ели апельсины, здесь их называли почему – то итальянскими, они были скрещены с грейпфрутом и имели тёмно – бардовый цвет, вкус был очень необычный – сладкий апельсин с терпким грейпфрутом. Ели жирные, большие финики, гуляли по саду, охраняли территорию. Патефон на пикапе в той-же компании сопровождения ездил в штаб. Там полным ходом шли приготовления к наступлению на Триполи, но первым на пути с юга у части шестого отряда

был Интернациональный аэропорт «Триполи». Наступать нужно было с города Аль-Азизия, тщательно готовились. В это время прибыли комплексы ПВО

«Панцирь», которые эффективно начали работать против злосчастных Bayraktar, также прибыло пополнение, обучались работать двойками, тройками.

После тщательной разборки карт с аэропортом, приняли решение заходить в него через ворота, в районе дальней стоянки и захватить ремонтные цеха и технические здания, обосноваться в круговой обороне, установить пулемётные гнёзда на песчаных капонирах. И ждать налёт авиации союзников – Хавтара на основные здания аэровокзалов и вышки. Южная группа начинает первой, потом, при определённых условиях, заходят ещё две группы, на «Чеканах» и джипах с разных сторон, и зачищают все здания и строения, встречаются в общем зале аэропорта.

Сейчас южная группа заходила в Аль-Азизия, пройдя до центра города без происшествий, отделение Патефона обосновалось на первом этаже, в каком-то административном здании, нужно было дожидаться утра. Когда расположились, Муха тут – же, на горелке варил кофе, Вольф наблюдал за другом. Парни, не снимая разгрузок и не разуываясь, были в полной боевой готовности. Оружие было рядом, вдоль стены у окон. Деда был наблюдателем, с биноклем в руках следил аккуратно, не высываясь из окон за улицей и соседними домами. Вся техника рассредоточилась во дворах, рядом. Пока всё было тихо, наступал вечер. Бойцы своей группой сидели на стульях у столов: Тэтхем, Футур, Тоха, Бегин, Вольф негромко общались.

– М-да, дома дожди, под Архангельском, грязища. – Футур улыбался, глядя в окно, где было сухо, пыльно, душно и чистое, бесконечно – лазуревое небо.

– У меня нормально, позавчера с мамой общался. У нас в Кореновке люди ещё загорать пытаются. – Отвечал Костя – Тэтхем.

– У меня также. – Добавил Артём. – В Симферополе только осень наступает. Так вяло, не спеша, общались. Муха разлил первую партию кофе четверым в дежурные, железные, кружки, стал варить следующим. Вольф оказался первым, как друг, кому Ринат налил божественный напиток.

«Деда»

Артём смаковал, смотря на неспешный разговор друзей, думал: «Папа, мама, как вы там? У меня всё хорошо, жив-здоров пока». – И, как бы, внутренний голос голосом мамы с упреком отвечал: «Видим мы, как у тебя всё хорошо». «К вам хочу». «Не дури, ты нам внуков оставил?» – Это неожиданно послышался голос отца: «Фамилию не теряй, наследники нужны». «Ну да, ну да... Найду вот Машулю какую-нибудь и будем делать с ней детей». – Артём улыбнулся чуть сам себе, опять вспомнив образ девушки.

Под утро, после доклада сапёров, которые разведали дорогу до границы аэропорта, что всё в порядке, колонна тронулась. Муха с Вольфом были за пулемётом в джихад-мобиле с

Патефоном и Марафоном. Техника остановилась и рассредоточилась на расстоянии до ворот, шламбаума и КПП, заваленный мешками с песком. Четыре выстрела с РПГ и короткие очереди с КПВТ³² на «Чеканах» трассирующими пулями в раннем утре, навели панику. Разрывы и трассеры, все пришлось по КПП, он загорелся. Послышались крики на арабском и суета, с места возле ворот сорвалось несколько легковушек и унеслись в глубь аэродрома. Колонна «Вагнеров» тронулась вперёд, первый «Чекан» снёс ворота и поджался к КПП, ведя стволом в сторону ремонтных ангаров. Остальная колонна ощерившись стволами крупнокалиберных пулемётов ускорила к техническим помещениям. Оттуда второпях уезжали легковые автомобили ливийцев в глубь аэропорта. Дальняя стоянка со всеми помещениями была занята «Вагнерами». Наступал день, «Чеканы» и джихад-моби́ли заблокировали дороги, на гребнях песчаных капониров стали окапываться и делать пулемётные гнёзда, наступило время ожидания.

Три истребителя зашли низко с востока, перед сбросом подскочили вверх, сбросили по две бомбы каждый, развернулись через юг и ушли обратно на восток – на свою базу. Первые бомбы разорвались перед диспетчерской вышкой, следующие на внешней стороне аэровокзала – на площади, где когда-то стояли такси и автобусы, частные авто. Одна, пробив крышу, бабахнула в зале ожидания, внутри аэровокзала. Что-то загорелось, подымался дым к небу. Основная часть южной группы рванула с дальней стоянки на множественной технике по рулёмкам и взлётной полосе к аэровокзалу.

Наступала кульминация, ещё с двух сторон втекались две другие боевые группы. Были редкие перестрелки, Муха был за пулемётом на пикапе, Вольф с остальными штурмовиками «заливался» вовнутрь больших корпусов интернационального аэропорта. При зачистке множества помещений попадались гражданские – персонал, обслуживающий ту или иную технику. В большом напряжении двумя двойками проходили метр за метром, комната за комнатой, в ожидании стычки с противником, но пока попадались только гражданские. Весь штурм аэропорта получился как по нотам. Говорят, что разрабатывал план штурма и участвовал сам Девятый. Группы прошли и зачистили все здания и помещения. Несколько военных были взяты в плен и несколько подозрительных гражданских были задержаны на допрос. Аэродром на долгое время стал накопительным плацдармом перед наступлением на Триполи, вся территория охранялась. Отделение Патефона вовремя заселилось на втором этаже гостиничного шестиэтажного здания, предназначенного для отдыха международных экипажей самолётов, номера были люксовые, двухместные. Удивительно, но была даже вода холодная и горячая. Со временем местные садыки наладили хорошее питание. Так провели два дня, ходили в охранение территории аэропорта, готовились к основному наступлению на Триполи, подходила боевая техника, подвозились боеприпасы, медикаменты. Отделение Патефона влило во взвод к Густаву, там и познакомились с Моне́й, будущим командиром разведзвезда – РВ десятого штурмового отряда, куда попадут Вольф, Муха, Тэтхем, Футур, Тоха, Деда и другие боевые товарищи. А сейчас начались тренировки по установке и сборке миномётов. Кто практиковался, а кто учился выставлять и работать на бусоли³³. Этим занимался лично Тибет, в последствии легендарный командир десятого ШО, Герой России. Он сам научился и учил остальных работать в Alpinequest с квадрокоптером. Оказывается, было очень удобно и практично. Отрабатывали полное взаимодействие миномётчиков и корректировщиков нового поколения. С юго-запада, юга, и вплоть до побережья Средиземного моря на востоке, силы Хавтара начали крупномасштабное наступление на Триполи, с разным успехом. С той стороны включилась в помощь Турция и негласно европейские страны, стали завозить подготовленных и обученных боевиков, но всё равно, окраины Триполи были уже под войсками ЛНА Хавтара. В это время «Вагнера» со всей техникой двинулись с трёх направлений – юг, юго-восток и восток на город.

³² КПВТ – крупнокалиберный пулемёт Владимирова, 14,5 мм.

³³ Геодезический инструмент для измерения углов при съёмках на местности.

Взвод Густава заходил с юга, прошли через городок Абу-Салим, вошли в Дамаскус, с небольшими перестрелками продавили маленькие бандформирования, упёрлись в объездную дорогу вокруг Триполи, переехали её, встретились с представителями ЛНА, переводчики объясняли, где будут располагаться «Вагнера», куда и в каком направлении они будут двигаться к центру.

Влились в окраины, теперь начиналась серьёзная работа в городских условиях. Первыми были сапёры, перед этим было несколько подрывов штурмовиков на хитро установленных минах, с той стороны работали профессионалы. Пулемётный расчёт – Муха и Вольф попал в прикрытие двум расчётам сто двадцатимиллиметровых миномётов. Старшим у них был Вова-Воланд, здоровый детина с интересными наколками на теле, Вольф и Муха первый раз такое видели. На левом плече был наколот красный флаг СССР. На левой груди четкая картинка – зимний бой в сорок первом, за какую-то деревню под Москвой, а на правой – знаменитая картина, водружение красного флага над Рейхстагом в сорок пятом. В общем Владимир был чуточку одержимым великой победой дедов.

Тибет показывал тут же, как управлять квадрокоптером, который в хорошую погоду мог зависать на месте и давать корректировку разрывов по сторонам света. В купе с миномётчиками отработывали полное взаимопонимание работы друг с другом, получалось быстро и качественно. Квадрокоптер в среднем мог работать сорок минут, он улетал в зону боевых действий, корректировщик засекал противника и передавал наводчику миномётных расчётов координаты. Так, по-новому начали работать несколько групп – это были первые зачатки современной войны. И это были «Вагнера»!

Три группы «Вагнеров» зашли на окраины Триполи. «Чеканы» в некоторых моментах отработывали идеально, их крупнокалиберные пулемёты из-за укрытий бронебойными и бронебойно-зажигательными пулями разбирали и поджигали защищённые укрепления противника или проделывали проходы в заборах или стенах, сделанных из ракушечных блоков или разрывными пулями наносили значительный урон в живой силе противника или легко бронированной технике. Многие «Чеканы» стояли в укрытиях на новых базах, как стационарные

«тяжи». Штурмовики через сделанные проходы в стенах и заборах натягивали верёвки и на самых открытых участках закрывали ходы сообщения тряпками, простынями и другой утварью, защищая себя от снайперов.

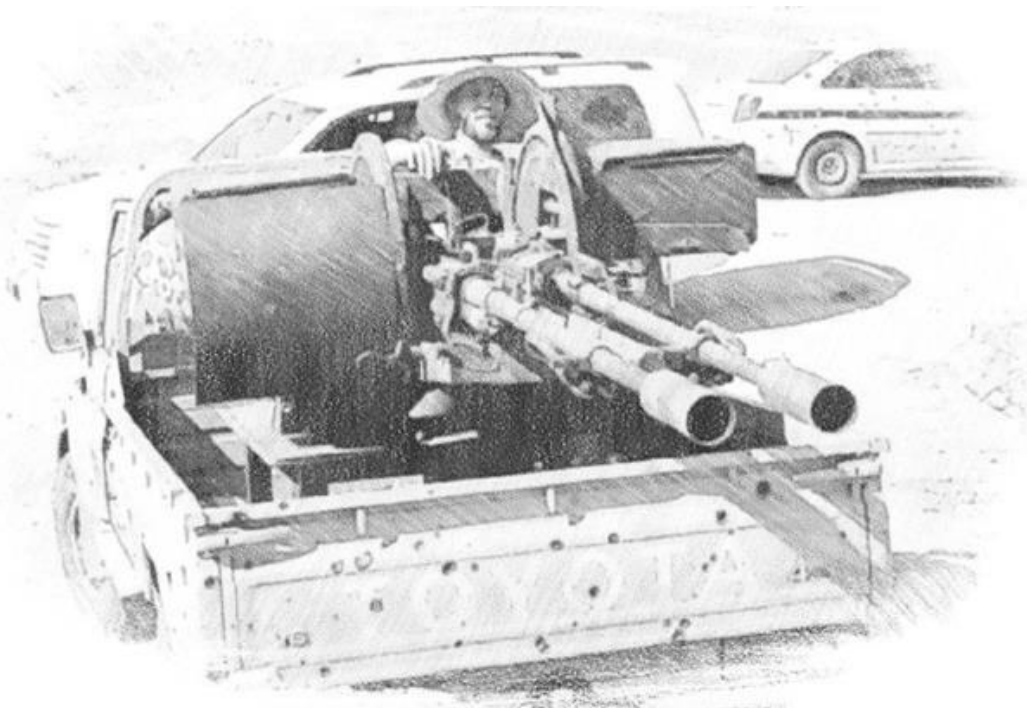
После того, как в начале штурма города, парни при зачистках территорий, зданий и квартир подрывались на хитрых минах и ловушках, началась настоящая работа для Самура и таких же, как он, сапёров. С той стороны оказались очень высококвалифицированные специалисты, парни с разведки говорили, что с вражеской стороны были опытные вояки, прошедшие не одну войну, те умело минировали дорогие вещи, части оружия, типо валяющегося бесхозно на полу, минировали игрушки, телефоны, полные банки из – под Пепси – Колы, Кока-Колы. Наступило время, когда с нашей стороны собрали специалистов, и они занялись «ответкой», Самур был среди них. Работы было много, минировали в основном фланги взвода Густава, так, как по флангам стояли садыки с ЛНА. Они были «интересным» войском, стало заметно, когда шло наступление, эти садыки были позади «Вагнера». Когда брали какой –нибудь городок или посёлок, победу отдавали этим воинам, а у «Вагнера» была установка – вас тут нет: «Их там нет!» Только тихо и негласно награждали орденами и медалями. И вроде ладно, но... Сколько раз было так – если начинался вражеский накат, то союзнички умудрялись тихо сниматься со своих позиций ночью, не предупредив, и уходить за спину «Вагнерам», оголяя фланги. А утром ничего не подразумевающие «Вагнера» шли в контратаку, а с флангов уже открывали огонь вражеские пулемёты. Иногда выходить из огненного мешка случалось с потерями, потому-то минёры стали минировать свои фланги. Также минировали неудобные основные направления противника.

Штурмовики оттачивали своё мастерство городских боёв, конечно с потерями – противник был разный, было много выходцев с Советской Азии и Кавказа. Те, обученные в советской армии, воевали хорошо и хитро, где-то на равных. У Густава во взводе одно отделение было под командованием Халана, оно занимало левый фланг на южном направлении. Отделение расположилось в четырёх трёхэтажках у высохшего русла реки, текущей с востока на запад, правда сейчас там тёк маленький, чахлый ручеёк. У крайнего левого их дома, с юга на север шла дорога вглубь Триполи, через это русло был построен добротный широкий мост, он был заминирован – поперёк в два ряда лежали противотанковые мины. А на той стороне, за высохшим руслом, в зданиях и домах был враг. Были периодические перестрелки, пока «Вагнера» накапливались, наступления не было.

На второй день с той стороны появился вражеский снайпер – у Халана двое бойцов стали триста за два дня. Стар был первым, проходя по длинному коридору его силуэт с улицы был виден в оконных проёмах, снайпер с крыши трёхэтажки поймал в следующем оконном проёме, попал в задние мышцы шеи. Выстрел был сложным и Халан догадался, что появился серьёзный снайпер. По радейке он предупредил всех, чтобы не высовывались, заставил максимально завесить оконные проёмы и открытые проходимые пространства тряпками. Стали выполнять приказ, тут-то и попался Мох, во втором здании, на втором этаже натягивали шнур над оконным проёмом, из-за жары боец был без «броньки»,³⁴ выстрел пришёлся опять сверху, пробил чуть высунувшийся правый бок бойца. Халан пришёл в ярость, надо было что-то предпринять. После, проговорив свои действия с Густавом и предупредив своих, глубокой ночью с винтовкой СВД³⁵ поднялся на крышу третьего дома, выбрал позицию между стеной комнаты для лестницы на крышу и вертикальными трубами для нагрева воды от солнечного тепла. Положив ствол на металлическую раму крепления труб, сидел на спальнике, расстеленном на поверхности крыши. Стена скрывала от прямого солнечного света, был в тени и потому был незаметен тем, кто смотрел на юг через русло, в сторону солнца.

³⁴ «Бронька» – бронежилет.

³⁵ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

День начинался, солнце было за спиной и Халан прекрасно видел верхушки домов через реку, запоминал зрительно все детали до мелочей. Трубы начали нагреваться, от них шёл жар, Женя сидел, замерев час, два, три... Было тихо, стрельбы не было, слышна была лишь арабская речь в округе, где-то проезжали машины, работали мини рынки – гражданская жизнь за кварталом шла своим чередом. Здесь люди в такой ситуации, когда шла война, относились философски и на все перипетии отвечали, вознеся указательный палец правой руки к небу: «инша Аллах» – «Всё в руках Господа». Только вдалеке на востоке слышна была канонада – автоматные и пулемётные очереди, иногда бухали миномёты или раздавались тяжёлые очереди ЗУшек.³⁶

Он родился и вырос на Дальнем Востоке, в таёжной деревне Анисимовка. Был средним сыном в семье. Первая охота с бате́й была в пять лет, тогда подбили три утки, он поймал первые ощущения охотника, со слов отца: «Ты добытчик – ты мужчина!» В семь лет он подстрелил своего первого волка... Волка! Волк – это опытный, злой, хитрый хищник. И просто так к нему подойти вряд ли у кого получится с первого раза – Женя смог в семь лет. Сильно нервничал и переживал, но в самый нужный момент собрался и когда надо было – выстрелил, не промахнулся. Правда плечо потом очень долго болело от отдачи, но радость от того, что у него получилось и эта неприкрытая зависть заядлых охотников, хваливших его – она наслаждала и вливалась энергией мужского начала. Эта тяжёлая, деревенская жизнь закалила его и сделала настоящим таёжным парнем, который мог приспособиться и выжить во многих трудных условиях и ситуациях. Основной посыл и установка была от отца, опытного охотника, его знали и почитали далеко за районном и округом. Отец учил своих сыновей этой жизни.

Стало очень жарко, солнце было на самом пике. Халан сидел отрешённый, только глаза фиксировали малейшее передвижение: редкие коты, охотящиеся на голубей, сами голуби непоседливые, постоянно резко взлетающие в высь с разных крыш. На дальних домах кто-то вывешивал бельё наверху. Над восточными окраинами пролетели два МиГа, сбросив небольшие бомбы. На разворот пошли влево – на юг и пронеслись низко над крышами домов, чуть левее

³⁶ ЗУ–23 – спаренная зенитная установка, калибр–23 мм.

«Вагнеровских», им в след из-за речки стреляли вдогонку. Взорвалось далеко, но звуковая волна пришла громкая и раскатистая, эти взрывы повлекли за собой пожары и два жирных столба дыма медленно потянулись в чистое, синее небо. А здесь пока было тихо... Халан, сидел, не шевелясь и вспоминал своё детство. Было душно, время тихо катило солнце на запад, к вечеру. Вспомнил, как зимними вечерами, по субботам, после целого дня разных домашних забот, уборки и кормления животных и птиц в хлеву, колки дров и складывания их под навес, чистки дорожек во дворе от снежной позёмки, уборки и мытья полов, топки печей дома и таскания воды вёдрами в баню, а потом её топки, вечерней помывки, с берёзовыми и дубовыми веничками и нырянием в сугробы, разомлевшая, чистая семья садилась за вечернее чаепитие с пузатым, медным самоваром с родниковой водой и вскипячённый на берёзовых чурочках. Варёный в молоке сахар, мамино любимое малиновое варенье и как мама доставала из духовки вкусные сибирские шанежки с разными начинками. Сумасшедший аромат распространялся на кухне – это был Рай детства... Халан сглотнул слюну, припомнив вкус: «М-да, сейчас вернуть бы это всё, хоть на мгновение. Обнять бы всех... Повеяли – у Сёмы уже трое и Анюта – мама двух девочек. Родители постарели, особенно батя...»

Где-то справа неожиданно выстрелил РПГ – за руслом разорвалось и разом с двух сторон из укрытий ответило множество автоматов, заработали пулемёты. Беспорядочная стрельба закончилась так же неожиданно, как и началась, раздавались только одиночные выстрелы, но и они прекратились. Через пять минут опять наступила тишина и кажущееся мирным небо заливалось розовым закатом. Вечерело, солнце быстро заходило в волнуящем мареве за дальние строения большого города, на запад, было ещё душно.

Еду и воду по договору приносили в одиннадцать вечера, тихо ставили на верхней части лестничной площадки за стеной. Сейчас с Халаном была пластиковая бутылка с водой, а от еды он спокойно отказался в первую ночь-перетерпит, натренированный...

В армию он попал по возрасту, служил срочную службу в морской пехоте во Владивостоке. При первом увольнении, первый раз в своей жизни оказался в городе. Два его товарища по службе были из Владика, дружно взялись за его шефство. Без издёвок и очень интеллигентно объясняли все премудрости и радости жизни в большом городе, этим проявив в нём любовь и любопытство к цивилизации. Женя многому удивлялся и многое для него было открытием, но больше всего с ума от разных пирожных и сливочного мороженого. Сам помогал Вадиму и Никите – друзьям в боевом обучении и стрельбе, был одним из самых выносливых в призыве и мог отлично постоять за себя и товарищей. Он был рослым, широкоплечим парнем, ростом метр восемьдесят девять, светлый с серыми глазами. Все старшие родственники говорили, что очень похож на прадеда, настоящего казака из Амурского казачества – Егора Фёдоровича Науменко.

Наступала ночь, бои вдалеке притихли. Ближе к центру Триполи освещался множеством огней. В тех районах спокойно катался транспорт, над домами сверкали разноцветным отблеском в небе световые рекламы магазинов, офисов, ресторанов, кампаний и других заведений во множественном количестве – цивилизация. Там кипела обыкновенная человеческая жизнь. Здесь же было темно и редкие легковушки без включённых фар пытались проскочить открытые улицы во дворы, где был противник. Соседи – brave садыки из ЛНА тут же открывали огонь, у них на многих пулемётах были установлены приборы ночного видения – ночники. Союзники видели эти пикапы с ротирующимся³⁷ противником, или это был подвоз БК или питания. После обстрела автомобили часто загорались, раздавались проклятия на арабском с очередными автоматными очередями в нашу сторону, эхом перекидывающееся по только что ещё тихим ночным улицам пригорода. Иногда, на восточных окраинах небо прошивалось

³⁷ Ротация – замена.

красными, золотыми и зелёными нитками в разном направлении очередей из ЗУшек и «крупняков», порой были видны мелкие трассеры от автоматов.

Халан периодически, не долго, сберегая заряд батареи, через ночник наблюдал за крышами противника, вслушиваясь в ночь. Охота на вражеского снайпера продолжалась, так он просидел всю ночь, не заметив ничего особенного, но и не отвлекался на красивейшее южное, ночное небо, усеянное мириадами звёзд. На востоке заливался восход, край земли краснел ежеминутно, набирая свет, толкая темноту на запад. Стали проявляться серые крыши домов, всё также было тихо. У Халана была такая особенность – к утру он становился бодрее и внимательней, изменений вещей и деталей на крышах противника не заметил, сидел наблюдал дальше. Наступало солнечное, тёплое утро.

Вспомнил к чему-то – однажды с Семёном они самостоятельно собрались поохотиться на дальнюю займку ранним воскресным утром. Семе – двенадцать, Жене – десять, укатили из гаража батин «Ижак» на край деревни, завели и поехали. Было всё хорошо, но через десять километров таёжной дороги мотоцикл заглох, про топливо братья не подумали. Как назло, начался осенний холодный дождь, ветер с силой шатал верхушки деревьев, дорога раскисла и расплзлась. Дети возвращались домой с заглохшим мотоциклом до глубокой ночи, устали до изнеможения, замёрзли и проголодались, но больше переживали за реакцию отца, думали, что наказание будет суровым, так-что бросать мотоцикл нельзя – так закалялась воля и бесконечная выносливость. Извозюканы в грязи, уставшие, промокшие и голодные дотолкали отяжелевший ненавистью мотоцикл до двора. Тихо вошли в дом, а за столом на кухне, при настольной лампе сидели заплаканная мама и молчаливый отец. Родители, не повысив голоса, даже с тихой радостью, что дети вернулись живыми из тайги, проводили их в истопленную баню, переодели в сухую одежду и усадили кушать. Очень хотелось есть, но сильная усталость и разморенное состояние после бани усыпили детей за столом. Заботливыми отцовскими руками они оказались в тёплых кроватях. Халан всегда вспоминает этот момент в его жизни с теплотой и любовью к родителям.

До обеда он сидел и бдил, всё было тихо. В обеденное время он задремал в полглаза. Эта снайперская охота затянулась... Только ранним утром четвёртого дня измученный и заросший Халан увидел сгорбленную спину на крыше дома, по диагонали левее, ближе к дороге. Снайпер противника беспечно, но аккуратно подкрадывался к краю парапета крыши, выставляя винтовку в проём, между балясинами, и не ожидая ничего опасного для себя... Один выстрел – четыре дня терпеливого ожидания, но победа была за Халаном, пуля вражескому снайперу вошла в левый висок, вырвав сзади справа часть черепа с кулак. От резкого хлесткого выстрела в небо взлетела стая голубей, а потом, через две минуты опять тишина, как будто ничего не случилось под этим палящим солнцем. Халан неспеша тихо убрался с крыши, внизу штатному снайперу дал команду выследить тех, кто придёт за трупом.

Через два дня наступила новая напасть – на расстоянии, где – то четыреста, пятьсот метров за сгоревшими остовами пикапов стал выезжать на дорогу турецкий броневик – «Kırgı», и с крупнокалиберного пулемёта обстреливал разрывными пулями крайний четвёртый дом «Вагнеров» у моста. В первый обстрел опять двое раненых – одному раскромсало мышцу икры на правой ноге, а другому раздробило жестоко кисть левой руки, оторвав два пальца. И так началось – периодически, но без постоянства, выезжал этот броневик и сыпал в окна разрывными и зажигательными пулями. Парни стали осторожнее, никого не зацепило. Опять надо что-то делать. Халан собрал людей, свободных от дежурства, думали, как быть. Решили действовать рискованно, но другого выбора не было – ранним утром первым под мост идёт сапёр – Луна, после, за ним идут Вольф и Муха на прикрытии с пулемётом. С собой берут трубу РПГ–16 с двумя зарядами, после их отстрела группа возвращается, а все остальные активно начинают с окон прикрывать возвращение пацанов. Четверо перед этим с левого крайнего окна на втором

этаже закидывают мост дымовухами. И все «кроют» со всех стволов, отвлекают противника на себя...

Очень ранним утром, а вернее ночью, парни пошли с двумя «ночниками» к мосту. Луна первый, прогнувшись под боковым парапетом моста, пошёл из-за угла крайнего дома и тихо, незаметно спустился под мост, через минуту так же тихо, без звука прошли Вольф и Муха. Под самым мостом, уже на подъёме, на стороне противника Луна обнаружил и обезвредил три пехотные мины с левого края моста. Пока рассветало Вольф и Муха стояли не шевелясь, а Луна в который раз проверял и проверял почву, всё было чисто. Как рассвело, парни замерли в ожидании, так провели время до обеда. Все остальные сидели по домам, нервничали в готовности. Броневики выкатили как – бы неожиданно, также за сгоревшими кузовами автомобилей и беспечно открыл огонь по окнам штурмовиков. Сквозь его пальбу послышался хлопок и через три секунды раздался взрыв, потом ещё выстрел и взрыв, пулемёт броневика замолчал. Оба выстрела достигли цели – броневик разгорался. Парни со второго этажа быстро закидали мост дымовыми шашками. По нему открыли огонь игиловцы, по ним ответили из окон «Вагнера», бой завязался жестокий. Противник пытался отомстить за свои потери. Мост заволокло дымом, но там уже никого не было...

Когда послышалось знакомое урчание броневика, Артём сказал Мухе и Луне:

– Парни валите сейчас назад, на нашу сторону, быстро. Ждите под мостом, как только услышите первый взрыв выбирайтесь и бегите за дом. Риня, с угла будешь «контролировать», прикрывать меня, понял? – Тот кивнул головой. – Так мы быстрее уберёмся отсюда и мешать не будем друг – другу. Всё...

Парни его поняли, быстро ретировались под другой конец моста. Артём взвёл ракету, приготовился, как только Кірі открыл огонь, он без волнения вышел из-под моста, поднялся по пояс, прицелился и выстрелил, как положено. После разрыва парни рванули наверх и пока была суматоха, незамеченными перебежали за угол дома, во двор к своим.

Перед выстрелом, Артём отслеживал поток ветра, его не было, был очередной жаркий день. Он быстро зарядил вторую ракету и когда прицелился, увидел уже дымящийся броневик: «Значит попал с первого раза». Выстрелил также прицельно и не дожидаясь разрыва, рванул назад. Эти плюс три секунды полёта ракеты дали возможность убраться из-под моста никем не замеченным. За углом Муха и Луна встретили его с радостью – они выполнили приказ без потерь, всё для них закончилось... А на улице разгорался бой, пули рикошетили от асфальта дороги и стен домов. Становилось не безопасно, штурмовики аккуратно ввалились на первый этаж. Связист увидел их первым, он сидел в глубине здания с радеёками, обрадовался несказанно неожиданной встрече с живыми и здоровыми парнями. Заикаясь, дал общую команду «55»³⁸. Все четыре дома ликовали и для острастки отстреливались с домами напротив, через русло, а оттуда усиленно поливали по задымленному мосту.

На юго-восточном направлении шёл основной костяк взвода Густава, он обосновался в Аин-Зара – пригороде Триполи. Штурмовики работали короткими прострелами, охотились на редких снайперов противника, а те охотились на «Вагнеров», работали миномёты Тибета через квадрокоптеры – глаза разведчиков нового поколения, получалось эффективно, минировали свои мины, разминировали вражеские – готовились к общему наступлению. Шли периодические разговоры про сидевшего в особой тюрьме, в центре города какого-то Шугалея, человека очень важного для Кремля. Кто он и чем занимался здесь – никто не знал, только догадывались, и его нужно освободить. Бои были каждый день, разного накала, иногда был вражеский миномётный обстрел, стреляли с ПТРК, но в основном доставалось соседям – солдатам ЛНА. За этими соседями наблюдали «Вагнера», думали, что союзнички могут тихо сняться и удалиться куда-нибудь, оголив фланги.

³⁸ 55 – код «всё в порядке».

Ваурактар'ы стали меньше летать, шла охота друг за другом. Панциря научились их сбивать, но и сами горели от ракет беспилотников, когда случалось, что экипажи замешкались с заменой оборудования или занимались перезарядкой ракет и лент со снарядами к скорострельным пушкам. А иногда наступало затишье и были лишь вялые перестрелки – больше шумели в небо, давая понять друг другу, что «мы есть здесь». Все копили силы. Моне в такие моменты становилось скучно, с его неуёмной энергией, непоседе, всё время хотелось движения и действий.

Однажды, он отпустил своего закреплённого водителя и лично на пикапе поехал в штаб. Там было очередное совещание – прорабатывались все варианты начала общего наступления. Выступали оперативники штаба, они проговаривали свои умозаключения. Моня чуть позёвывал, ему нужна была конкретика. В своём секторе наступления они уже просмотрели и пронаблюдала все здания, пустыри, кочки, рокадные и прифронтовые дороги противника, насыпи, отдельные сараи, постройки, кварталы. Много раз в свободное время, когда не было «миномётки», он брал у Тибета один из квадрокоптеров и со своими близкими помощниками внимательно разглядывали с высоты пространство впереди себя, помечая важные детали на карте в Airpе. Некоторые не сразу понятные места рассматривали более внимательно, кружа вокруг или чуть ниже опускаясь. Иногда по квадрокоптеру открывали огонь, приходилось «уносить ноги», вернее улетать и возвращаться в следующий раз.

А сейчас он слушал общий фронтовой доклад на трёх направлениях, разговоры были до раннего вечера. Доклады закончились, все стали собираться назад – по своим отделениям и местам расположения. К Моне подошёл Флокс, старший по направлению:

– Слушай, Серый, говорят у вас баня есть хорошая?

– Ну да, Андрей Олегович.

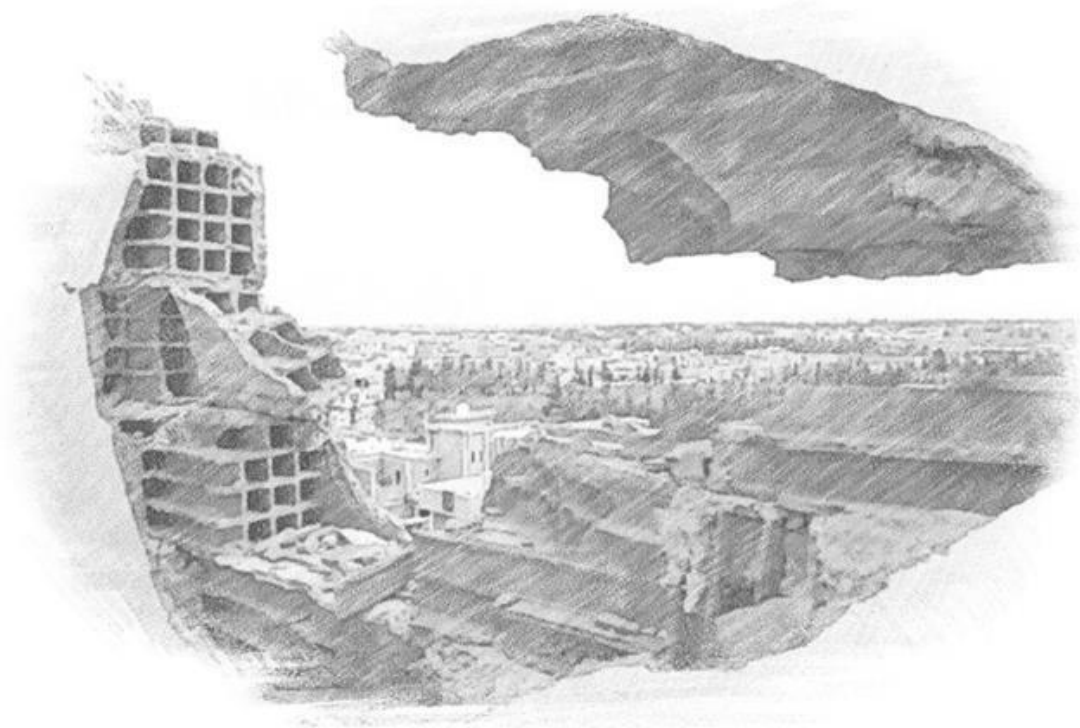
– Возьмёшь с ночёвкой? – И сразу зашёл с козырей: – Я с припасами, мне Палыч³⁹ хлеба чёрного привёз... С салом, как положено – «Адидас»⁴⁰. Лучок нарежем, арбуз есть... Ну как? – Он смотрел пристально в глаза.

Моня сглотнул слюну, он не обедал, да и завтрак был так себе – чашка кофе и пару бутербродов с сыром. Представил этот Божественный бутерброд – чёрный хлебец с салом «Адидас» и сверху лучёк, сам запах один чего стоит?! Очнулся:

– Звучит конечно, заманчиво, даже если бы захотел отказать... Но сейчас, после ваших слов, уже не смогу – Аж челюсть свело в предвкушении. – Оба рассмеялись в голос. Моня написал сообщение своему старшине, давнишнему приятелю Игорьку – Циклопу, тому ещё в шестнадцатом году, под Луганском, пулей выбило левый глаз, чтобы тот готовил баню и заварил свой фирменный чай. Циклоп из России привёз сушёные листья смородины и чабрец, а несколько сортов чая – чёрного и байхового негласно покупал на местном рынке. Кстати, баню топили рубленной сердцевиной пальмовых веток.

³⁹ Владимир Павлович – Богемия – один из основателей ЧВК.

⁴⁰ Сало «Адидас» – сало с прослойками мяса.

Моня с Флоксом тронулись в путь, обратно в расположение. Так получилось, что, когда возил водитель, Моня не обращал внимание на детали маршрута и сейчас, возвращаясь на свою базу и болтая с Флоксом о разном, не заметил, как спокойно проехал открытое пространство и въехал на улочку с высокими зданиями. Только сейчас показалось что-то не нормальным – не было раньше высоких зданий на нашей территории, только трёхэтажки максимум. У какой – то площади приостановились.

– Ты чего? – Флокс перестал рассказывать новости, привезённые Богемией из России.

– Да не пойму, не было у нас высотных зданий... На той стороне были – в бинокль видел. – Оба притихли, оглядываясь по сторонам. Худшие опасения подтвердил бородастый мужик, вышедший из подъезда на улицу и лениво разглядывающий их автомобиль. Он был одет во всё чёрное и с чёрной повязкой на голове с арабской вязью, в руке был автомат. Так получилось, что садящееся солнце бликовало на лобовом стекле и не было видно сидящих внутри.

– Тво-ю ма-ть! – Протянул побледневший Моня, поняв свою ошибку, но сила духа преобладала в нём. Он медленно стал разворачивать автомобиль, ещё больше заинтересовав бородача. А после того, как развернувшийся и помчавшийся назад пикап увеличил максимально скорость тот завопил, размахивая руками и не прицельно открыл огонь вдогонку. Со всех сторон стали выскакивать военные, не совсем понимая, что происходит, в большинстве случаев просто глазели на пролетающий мимо «Mitsubishi L-200». Моня швырял мощный авто из стороны в сторону, но некоторые пули редких очередей достали машину, пробив задние двери, заднее левое колесо, борта кузова и заднее и лобовое стёкла, зацепив правое плечо Мони. Пикап вырвался из ущелья каменных, вражеских джунглей, пролетев открытое пространство тут-же свернув налево с дороги во двор первого дома. Слава Богу, с нашей стороны никто не открыл огонь по своим: «Уж больно она была похожа на командирскую». – Ржали потом всем отделением штурмовики, вспоминая эти очумелые лица, вышедшие из автомобиля. Моня потом долго бухтел:

– Да чё вы ржёте, как кони.

Вот так нагло ещё никто не ездил в разведку. Главный на направлении – Флокс потом долго припоминал Моне этот случай. А пока эта история доходила до Богемии, на следующий день Моне, забравшись на крышу дома, через бинокль искал появившийся на окраине вражеской территории за пустырьём турецкий броневик:

– Ну и где он? Ни хрена не вижу.

– Левее «свечки», на десять градусов, товарищ командир, за углом серого дома. – Орал смотрящий из окна третьего этажа молодой парень – Сарыч, из Самары.

– Ага, вижу, надо миномёткой туда... Ой... Я готов – ранен, триста. – Раздалось в радейке. Так как противник был далеко, он посчитал не нужным одевать шлем и бронези-лет, да и жарко было. Толпа, рванула на крышу, быстро на руках спустила Моню. Левый бок был прострелен насквозь снайперской пулей и намакал кровавым пятном. Его увезли в тыл, в район Аква – Парка «Ливия», оттуда вертолётном в госпиталь города Бенгази.

После выздоровления Владимир Павлович лично отчитывал Моню, как это умел только он – по – отцовски:

– Серёжа, хулиган, ты ж мне как сын, твою мать. Я слежу за тобой – это уже четвёртое твоё ранение. Если ещё раз узнаю, что ходишь без шапки и пальто на улицу – накажу... Строго... И... Слушай, тоже самое касается машин. Ну не твоё это, не твоё! Вспомни Банги,⁴¹ ты в центре города заблудился, прям возле базы.

Моне качал головой, покраснев и опустив глаза в пол. Остальные командиры, близкие друзья, беззлобно ржали вспоминая, как тогда ходили на его поиски.

А пока полным ходом шла подготовка к наступлению. Группы наполнялись людьми и техникой. В закрытом, спальном райончике городка Аин-Зара основной группы на юго – восточном направлении Виктор с позывным Берг, крепкий казак пытался дозвониться до дома чтобы поздравить внука с Днём Рождения. Связь была никакой. Недолго думая, полез на крышу трёхэтажки прихватив с собой более – менее чистый матрас, в надежде всё – таки услышать родные голоса семьи. Забравшись, бросил в угол крыши тюфяк, от невысокого парапета была какая-никакая тень, лёг на матрас, закинув ногу на ногу, а левую руку за голову, стал пробовать ещё. Связь, как ни странно, сработала, пошли гудки, а потом и родной голос жены:

– Алло?

– Привет, Ириш, как ты?

– Ой, Витя, привет. Ты дозвонился? Какой молодец, а я у Андрюши. Мы тут все собрались, только до торта добрались. Даня вон, радый, подарков столько надарили, какие он хотел. – Затараторила, обрадованная жена: – А ты то как? Как у тебя дела?

– Да всё нормально, отдыхаем. Дома чё? Как там?

– Да там тоже – всё нормально, последние помидоры сняла, у нас холодает, скоро заморозки начнутся. А здесь, в Сочи, тепло, солнце светит, море тёплое, ходили вчера вечером по берегу, гуляли.

Витя рассмеялся:

– У нас тоже холодает, сегодня тридцать пять – тридцать семь градусов, ветра нет.

– Ого, хорошо вам, тепло – повезло. – Не подумав сказала жена.

– М-да, повезло. – Витя с грустью усмехнулся, вспомнив трупы артиллеристов – «Вагнеров», сгоревших после взрыва ракет выпущенных с Bayraktar. – Дай Андрюхе телефон.

– Сына иди сюда, батька зовёт. – Жена позвала сына.

– Привет, пап.

– Привет, Андрюх, как ты? Что там со станком?

– Да на работе нормально, станок заказали – ждём. Заказы тоже пошли, в общем всё в порядке. Как у вас-то, пипец?

⁴¹ Банги – столица ЦАР (Центральная Африканская Республика)

- Ну да, есть маленько.
- Новости слушаю по миру, вроде везде тихо, где – то в Африке переворот что – ли какой – то и всё. Где ты – даже не догадываюсь?
- Ну и хорошо. – Витя заулыбался: – Значит, «нас тут нет!» Ладно, как Даня?
- Нормально, тут соревнования были – первое место взял в своём весе, молодец!
- Молодец, дай ему.
- Послышался в трубке на расстоянии голос сына:
- Даня иди, дедуля звонит.
- Ура, дедуля. – Молодые ноги подбежали к телефону: – Привет, деда!
- Привет, Дань. – Берг улыбался, счастливый: – Ну что? С Днём Рождения тебя. Молодец, что занимаешься самбо, что занял первое место на соревнованиях. Как, трудно было?
- Не-е-е, он медленный какой-то был, я его на скорости сделал.
- Ну, ну, Дань, в следующий раз попадётся сложный кто –нибудь. Ты то не расслабляйся. Послышались далёкие выходы мин, Виктор напрягся...
- Хорошо, деда, ты как?
- Тут начались разрывы невдалеке.
- Да всё нормально. – Отвечал Берг, чуть побледнев.
- А это что так бабахает?
- Так Дань, это салют в честь твоего Дня Рождения. – А сам вжался в угол от осколков.
- Ничего себе, так громко? – Удивился внук, у него выхватила телефон бабушка, вслушиваясь в грохот на том конце телефона:
- Вить, что это?
- Ну, Ириш, шумят тут иногда. – Разрывы стали приближаться. – Всё Ириш, мне пора, давай, пока. – Берг уже на бегу вниз отключал телефон. И вовремя, несколько разрывов упали во дворе, за домом. Через некоторое время всё стихло.
- Прошло два дня и «Вагнера» с трёх сторон ранним утром двинулись в наступление вместе с силами ЛНА. Вначале, перед наступлением, пролетела авиация союзников отбомбив улицы и укрепления перед наступающими, потом открыли огонь миномёты. Противника кто-то предупредил, когда пошли вперёд, аккуратно разминировав
- и сняв мины на мосту, сопротивления не последовало. Отделение Халана вместе со всеми двинулось вперёд, встречной стрельбы не последовало, тремя группами пересекли русло реки, стали занимать здания. Соседи пошли первыми, они как будто знали, что впереди никого нет, но и первыми стали подрываться. Поняв это «Вагнера» тормознули и вовремя. Луна, Самур и другие спецы пошли на разведку местности. Они были сильно удивлены, как профессионально и много заминировано. Проём в стене – за проёмом, в темноте, на полу небольшая дощечка, проходя проём обязательно штурмовик поставит ногу на эту незаметную дощечку. А на ней замыкатель с проводкой к немецкой мине, аналогичной МОН 50, направленной на проём. Много дорогих часов лежало на видном месте, но стоило их поднять и ты теряешь в лучшем случае пальцы, а то и кисть или глаза. Вода в полтора – литровых пластиковых бутылках лежали или стояли в куче вещей, под ней размыкатель, а в вещах мина, и таких подарков было множество. «Наступ» вначале замедлился, но по мере продвижения в глубь Триполи, разминировать приходилось меньше. Началась перекрёстная перестрелка. Штурмана засели в освобождённых зданиях, искали возможности обойти или как-то продвинуться вперёд, ничего пока не выходило, случился затык, время затянулось. Неожиданно помогли соседи – садыки, пришёл их капитан с переводчиком и доложил, что здесь есть подземные переходы с выходом на поверхность в разных районах – то, что надо, но поинтересовались у него – откуда знает про переходы? Сказал, что сюда приезжал к родственникам в детстве и они с факелами бегали там. Потом добавил:
- Говорят, что это каналы высохших рек, построенные ещё в Римскую Империю.

Халан обрадовался, хорошая возможность пощекотать нервы и себе и противнику, стал собирать группу: Самур, Вольф, Муха, Тетхэм, Деда, Луна и он сам. Быстро готовились и собирались, сделали факела из консервных банок и промасленных тряпок, про запас, на всякий случай. Обговорив все детали с остальным отделением, двинулись за проводниками. Обыкновенная дверь в подвал, но первыми пошли обследовать Самур и Луна. Осмотрев всё аккуратно, разрешили зайти группе. Включив налобные фонарики прошли по подвалу, упёрлись в стенку, а вдоль неё узкая щель и ступеньки вниз, в темноту, в преисподнюю. Каково было удивление, когда, спустившись, поняли, что находятся в приличных размерах высохшем резервуаре для воды, куда вдоль стен спускаются множество ступеней от многих домов наверху. Перед этой операцией было оговорено, что нужно пройти двести – триста метров, если удастся, и оттуда поддержать атаку, выстрелив красной ракетой из ракетницы. Требовалось навести панику, с собой взяли несколько труб РПГ–18 «Муха». Муха – Ринат злобно улыбался:

– Хе, хе, «Мухи» мне помогут. – И с нежностью гладил каждую. Вольф, глядя на такого друга, шутил:

– Ринь, вернёмся, я тебя в «дурку» сдам – не нравишься чё ито ты мне такой.

Ринат только больше улыбался, молча. Также взяли два пулемёта, у остальных были автоматы и прихватили четыре МОНки–50 на всякий случай.

Резервуар прошли без происшествий, дальше был древний туннель, выложенный из подобия кирпичей чуть выше человеческого роста, во многих местах были решётки, являвшиеся естественными фильтрами в своё время, когда здесь была вода. Сейчас в них были проходы, и группа без препятствий прошла где-то триста метров. Вверху, в потолке, обнаружили подобие квадратного люка – сшитые между собой скобами дубовые доски лежали тяжёлой дверкой на проёме. Самуру пришлось сесть на плечи здоровому Мухе и аккуратно обследовать края проёма на минирование, всё пока было в порядке. Приподнял чуточку край двери вверх – она громко скрипнула в ржавых петлях, все замерли, но было тихо, Самур ещё чуть приподнял дверь – тот же оглушительный скрип в тишине. Возможно, эту дверь не открывали много десятков лет, а может и сто – история, чёрт побери. Самур осветил видимое пространство наверху – какая-то комната, заросшая паутиной. Он спокойно толкнул дверь, она полностью открылась, с грохотом и пылью завалившись набок. Боец вылез первым, приняв оружие потянул остальных. Стали оглядывать комнату, чуть поодаль, среди непонятного хлама, засыпанного пылью, поднималась лестница вдоль стены. Обходя не тронутый десятилетиями пыльный хлам, группа цепочкой потянулась наверх. Голова группы неожиданно остановилась на середине подъёма, три первых человека: Луна, Самур и Халан что-то обсуждали, тыча во что-то чёрное, висевшее на стене, удивлялись и ухмылялись. Пошли дальше, и каждый, кто проходил мимо этой вещи, приостанавливался, разглядывая. Вольф шёл замыкающим, перед ним поднимался Муха с пулемётом. Когда они дошли до этой вещи, оба сильно удивились – на вешалке аккуратно висел чёрный эсесовский мундир с двумя железными крестами, осыпанный пеплом пыли. Как он тут оказался – было вечной загадкой Африки. Наверху выход из стены в узкий двор. С двух сторон сплошные стены домов без окон, а дальше забор и калитка, за ней улочка поперек домов, а за улочкой такая-же стена третьего дома без окон. Подобравшись и приготовившись к неожиданностям у калитки, тихо выпустили переводчика, который без разгрузки был одет в местный мужской халат с «арафаткой» на шее и походил на гражданского. Тот с большим страхом выбрался на улицу и держась за стенку неуверенно завернул за угол правого дома. В не зоны видимости был не долго, обратно вернулся быстрее и радостней:

– Там вроде никого, а за углом, в метрах десяти подъезд без дверей в дом. Дом был высоким, как оказалось, в нём было два подъезда и шесть жилых этажей.

Быстро и незаметно переместились в подъезд. Напряжение было сильным, так как во дворе из окон слышна была арабская речь и стояли два джипа с пулемётами в конце рыночной площади – ближе к фронту, там копошились боевики, не обращая внимания на происходящее.

Группа «протекла» за их спинами, быстро ретировавшись с открытой местности. Как перевели потом садыки о чём трепались боевики у машины: «Игиловцы хвалились друг перед другом – у кого над неверными, которые попадут к ним в «львиные лапы», будет жёстче казнь и как эти кафиры будут умирать в долгих мучениях».

Халан усмехнулся и подумал про себя: «А я то, что сделаю с вами, попадись вы ко мне». Глаза разгорались в азарте профессионального охотника за головами, адское пламя разгоралось в душе. Он вспомнил ЦАР и Мали.

Это был обыкновенный жилой дом, но пустой. Некоторые двери квартир были закрыты, некоторые раскрыты нараспашку с выломанными замками. Видно было, что эти квартиры грабили. Группа выбрала большую квартиру слева, с неё открывалась рыночная площадь и три улицы с той стороны, с южной, которые выходили на эту площадь. Стрелять с ракетницы не пришлось, «kenwood» – радейка сработала отлично, Халан переговорил с Густавом, все были готовы. Через короткое время начался штурм, по улицам стали перебегать игиловцы. В джипы стали быстро садиться вооружённые люди и тут с четырёх окон тыльного дома активно по ним открыли огонь. Два пулемёта с зажигательными пулями в ленте крошили эти пикапы. В стане врага началась паника. Многие не понимали, что происходит. Откуда в тылу противник. Сколько раз пытались выстрелить из РПГ по окнам, не успевали – их быстро клали на повал, но две ракеты из-за неточного выстрела всё же попали в стену около окон, подконтузив группу. В подъезде были Самур и Луна, они пресекли попытки подняться несколькими отчаянным. Пару человек легли на лестницах первого этажа, остальные побоялись и оставили попытки штурмовать подъезд, тем более с юга всё ближе и ближе приближался активный бой. «Вагнера» удачно выполнили задачу, освободив несколько кварталов южной части Триполи. Группа Халана без потерь объединилась с остальным отделением и закрепилась на новых позициях.

У Густава водителем на пикапе был его давний друг Макс – Большой. Позывной Большой он получил за своё прокаченное тело бодибилдера. Макс выступал даже на соревнованиях в Краснодаре, Волгограде и в Москве, иногда занимал призовые места. Всегда по возможности был на спорте, а за пулемётом в кузове был второй близкий друг, пройдоха Денис, потому и позывной был соответствующий – Лис. Всегда, при любых обстоятельствах и сложных ситуациях находил единственно правильный выход, никогда не унывал. Был настоящий, разбитной раздолбай, но его все любили за позитивный настрой по жизни. Так и двигались в этой командировке такой компанией.

В очередной раз взвод был на задаче, работали по двум параллельным улицам всё ещё на окраине Триполи. Эти улицы были длинными, как проспекты и выходили через несколько километров в предместье основной мечети у центрального рынка в самом, что ни на есть центре Триполи. Мечеть Ахмед – Паши Караманли являлась святыней для ливийцев и мусульман всего мира. Она считалась целью для штурмующих, казалось, захватив её падёт Триполи и закончится победой война между ПНС и ЛНА. А пока основной костяк взвода Густава разделившись на группы по две двойки отрабатывали эти улицы, зачищая и обходя дома и дворы, подъезды, подвалы. Двигались вперёд, подавляя возникшие огневые точки. Большой, Густав и Лис ехали чуть сзади, по радейкам управляя наступлением штурмовиков, где – то помогая «крупняком». Впереди длинной свечой в небо замаячил минарет какой-то мечети. Штурмовики, как муравьи, работали слаженно, перебегая четвёрками от подъезда к подъезду, от дома к дому, каждая из четырёх групп шла по своей стороне двух улиц. Пикап командира ездил от улицы к улице, двигаясь по улочкам, идущих поперёк основным.

Въехали на перекрёсток, Лис развернул свои спаренные пулемёты MG⁴² в правую сторону, в сторону наступления и в сторону минарета. А с неё заработали два крупнокалиберных пулемёта, парни, идущие двойками, рассыпались по подъездам. Рикошеты заискрились по асфальту и тротуарам, защёлкали, оставляя пылевые полосы на покрашенных стенах домов и зданий, зазвенели рассыпаясь стёкла окон. Очередь прошла по пикапу, стоящему правым боком. Лис успел перед этим дать очередь по верхним окнам минарета, но пули сработали слабо, он был далеко. Пули от «крупняка» с минарета попали по двигателю, он тут же заглох, заклинив и задымившись, потекло масло, пробило правое переднее колесо, крышка резиновыми кусками разлетелась в разные стороны. Пули пробили правую дверь – Густав, дёрнувшись, застонал и потерял сознание, упёрся лбом в панель, несколько пуль лопнули шлепками ударившись о бронированный щиток пулемётов, Лис моментально спрыгнул и скрылся за угол сплошного бетонного забора справа. Большой тут-же схватил Густава за лямки бронезилета, потянул за собой через водительскую дверь. Лис, отойдя от первого страха, собравшись, быстро перебежал к машине, присев у заднего левого колеса. Один из пулемётов на минарете поливал нещадно пикап, второй «крыл» соседнюю улицу. Автомобиль начинал разгораться под капотом, осколки тяжёлых пуль сыпали выше голов, прорвавшись сквозь салон и борта, пролетая под щитом пулемётов в кузове. Штурмана ползком тащили своего командира, Густав очнулся, застонал, чуть приоткрыв глаза. Он видел лазуревое небо очень тёплого утра и дым разгорающегося автомобиля. У левого заднего колеса Лис и Большой присели, собравшись к броску, держа Густава за плечевые лямки бронезилета:

– Пошли. – Заорал Макс и со всей силы вместе с Денисом потянули Артёма за забор справа. Враг на секунды не успел среагировать, после об край бетонного забора зашлёпали тяжёлые пули, рикошета с визгом в сторону. По радейке Лис вызывал:

– Густав триста, тяжёлый, эвакуогруппа бегом сюда, где дым поднимается.

Противник, поняв всю четность пробить угол бетонного забора, удовлетворившись подбитым пикапом, перекинул огонь на другие цели. За углом высокого забора был закуток, в

⁴² MG – MaschinenGewehr – пулемёт.

нём стоял магазинчик-ларёк с разной съестной всячиной и водой. У Густава на вылет был пробит правый бок по касательной, пуля прошла между бронькой и разгрузкой. Лис помогал, а Большой быстро снимал лишнее с Густава, глубокая, сквозная рана сочилась кровью. Парни не скупились, помимо бинтов в аптечках раненого, добавили из своих аптечек. Лис уже добыл бутылочку воды, приложил горлышко к потрескавшимся, засохшим губам раненого, Густав с жадностью пил. Из-за ларька, с поперечной улицы выбежали парни с эвакуогруппы с носилками и большими сумками-аптечками. Скоро осмотрев перемотанную рану, вкололи «обезбол» и аккуратно перенесли на носилки раненого и также быстро удалились обратно, за ларёк.

Наступление остановилось. Видимость с минарета была идеальной, достать до них пока не получалось, зато они быстро пресекали любое движение «Вагнеров». Лис захотел пить, опять побывал в ларьке, принеся оттуда упаковку «кока-колы» и коробку «сникерсов». Друзья устроили себе завтрак после стресса, их чуть-чуть отпустило, рядом горела машина в районе двигателя и в начале салона. А парни, жуя шоколад и запивая «кока-колой», неспеша гадали между собой, глаза на огонь, бежать им сейчас к кузову за коробами с патронами, пока огонь не дошёл до них или подождать пока стрелять может закончат с минарета. Решили подождать и правильно сделали, скоро одновременно с двух сторон, согласованно выстрелили два ПТРК, ракеты точно влетели в два окна наверху минарета и взорвались внутри, разорвав, не успевших сбежать, пулемётчиков. В дыму верхняя часть башни подседа, медленно накренилась в сторону и полетела шпилем вниз. Наступила временная тишина... А потом продолжилась работа «Вагнеров» – штурм домов и зданий, зачистка улиц и продвижение вперёд.

Густава со временем вывезли в Россию на лечение. А «Вагнера» закрепились в трёх окраинных районах Триполи, солдаты ЛНА встали рядом – кто сбоку, кто сзади опорников штурмовиков. Турция, по данным разведки стала усиленно доставлять боевиков в помощь ПНС. Силы противника потихоньку стали превосходить силы Хавтара, но давления с той стороны пока не замечалось. Против «Вагнеров» особо не выступали, боялись идти в лоб. Очень оперативно и слаженно работали снайпера «Вагнеров», наводили панику. Пока шли позиционные бои, снайпера удачно выходили на охоту, каждый раз увеличивая количество потерь противника. Было несколько подтверждений о ликвидации больших полевых командиров ультрарадикальных салафитских организаций. Результативно работали миномётчики «Вагнеров», каждый раз оттачивая взаимосвязь между расчётами миномётов и корректировщиками, управляющими квадрокоптерами. А штурмовики внимательно следили за своими ненадёжными соседями-садьками на флангах. У одной группы эти соседи слева днём улыбались и махали руками, в знак приветствия, а ночью снимались с места и подло уходили в тыл «Вагнерам». Если не случалось «наступа» противника, ближе к обеду стыдливо возвращались назад, на свои ранее оставленные позиции. И так несколько раз.

Хавтар в это время много ездил по Европе и в Россию, шли усиленные переговоры с противоположной стороной – представителями Сараджа, представителями ООН, с представителями арабского мира, представителями африканских стран о прекращении боевых действий и о перемирии. Переговоры шли трудно, иногда выглядело, как принудительно, каждый: и Хавтар, и Сарадж искали максимальную выгоду для себя, но основной посыл был таким, чтобы иностранные военные силы, участвовавшие в этой войне, покинули Ливию. ЧВК «Вагнер» это не касалось, президент открестился от них, сказав, что это чисто инициатива руководства ЧВК и что они никаких денег от государства не получают. Но Турция смещала все карты и уже в январе две тысячи двадцатого года объявила о выдвигании своих войск в Ливию, так же начала вводить боевиков из Сирии и Ирака. У противника всё прибывали и прибывали наёмники. Наступал критический момент, наступления пробуксовывали, пошли слухи и разговоры, что Хавтар ведёт переговоры с Сараджем о прекращении войны. А потом и вовсе «Вагнеров» начали массово оттягивать с баз на окраине Триполи и к концу мая стали прибывать транс-

портные самолёты в аэропорт на юго-востоке от Триполи, в городке Бени-Валид для вывода войск.

Отделение Халана влилось во взвод Густава. Ранним утром, собрав колонну из пикапов с пулемётами, небольших автобусов, трёх «Чеканов», одного заправщика и «МАН» а – бочки с водой, тронулись на восток. Не прячась, с полной боевой выкладкой, при заряженных пулемётах, ошестинившись и внимательно следя за округой, колонна пёрла вперёд. В это время была полная неразбериха в стране, тогда ещё не было известно, что военные Хавтара и Сараджа уже успели договориться о перемирии и беспрепятственном перемещении войск на новые дислокации. Вольф с пулемётом Мухи, а Муха при ДШК ехали в кузове третьего пикапа в колонне, внимательно следя за секторами – Вольф следил за левой стороной, Муха внимательно водил стволом в правую сторону, за обочину дороги, постоянно ожидая подвоха.

Прошёл шум по радейкам о полном внимании вперёд. На встречу шла колонна. Это были ещё противники – наёмники, сторонники Сараджа с флагами ПНС и флагами ультрарадикальной группировки «Ансар аль – Шария». Наша колонна, по приказу, чуть замедлила ход. Вперёд подались два «Чекана» и обогнав головные машины, пошли первыми. Первый «Чекан» шёл чуть по правой обочине, второй чуть левее, левыми колёсами деля дорогу пополам. Оба тяжёлых пулемёта четырнадцать целых и пять десятых миллиметра калибром грозно из башен были наведены вперёд. Встречная колонна остановилась, вжавшись к своей обочине, пропуская «Вагнеров». Возможно, по первой технике, идущей навстречу, не похожей ни на один современный навороченный броневик, но очень эффективной в городских и пустынных боях противник догадался, кто едет.

В большинстве бородатые штурмана были кто в масках, кто закутан в «арафатки» – выглядели грозно. Две колонны сошлись, наёмники противника разных мастей и национальностей внимательно разглядывали «Вагнеров», кто-то пытался улыбаться и махать рукой. Все их стволы на технике были задраны вверх и не выражали агрессию. В большинстве запылённые штурмана проявляли к ним полное безразличие.

Артём-Вольф понимал, что сейчас отчасти твориться история и он тому свидетель: «Вот же, опять дух захватывающие события прошли через меня и моих боевых товарищей. Мы в вечном секрете – «Их там нет!» М-да». Но ЧВК «Вагнер» уже знали во многих арабских и африканских странах, боялись и относились к ним с уважением. А потом у Артёма пошла лента воспоминаний прошедших месяцев и через все эти картинки войны чётко проявилось испуганное лицо девочки с глазами полные слёз. Её бездонные, большие, голубые глаза – глаза войны впечатлились в его памяти.

Дальше дорога катила колеса колонны без особых приключений, через оливковые и финиковые сады, города, посёлки, и песчаные языки северной части пустыни Сахара, к аэропорту города Джофры. Артём смотрел на своего друга – Рината, тот улыбался – был счастлив, что живой. Артём знал, что и в других машинах едут его боевые товарищи – живые: Тэтхем, Деда, Футур, Тоха, и они тоже счастливы окончанию этой заварушки – девятимесячной войны за Триполи. Среди «Вагнеров» усиленно ходил слух, что какая-то группа разведчиков всё-таки смогла дойти до центра Триполи и даже сфотографироваться у ворот знаменитой и значимой мечети Ахмед – Паши Караманли, а значит «Вагнера» свою задачу выполнили!

На базу в Джофре прибыли к ночи, расположились на ночлег в ангаре Троя, мылись в душе, после Риня шутил и снова варил замечательный кофе на своей видевший виды горелке. Артём после душевного блаженства, тоже разомлел. После выхода с боевых, после пыльного и жаркого дня в дороге, под кондиционером ребята размякли, а ещё вкусный кофе, а ещё мысли об возврате на родину – в Россию, отпуск – всё это вливалось счастливой негой в усталые тела и улыбки радости не сходили с их лиц. Они остались живы!

Позже, через пару дней, ранним утром парней отправили бортом в Бенгази – международный аэропорт. Самолёт сирийской авиакомпании «Syrianaig» стоял на дальней стоянке.

«Ил»–76 подрулил к нему и встал рядом, крыло к крылу. Пришли представители безопасности, объявили, что все ближайшие заборы облепили «журналисты» определённых иностранных разведок с мощной оптикой, предупредили быть бдительными, лиц не показывать. Многие ещё одели очки. Из самолёта в самолёт быстро переходили партиями по пятнадцать человек, без проверки. Бородатым «Вагнерам» места в салоне показывали удивительной восточной красоты сирийские стюардессы. Парни после многих месяцев рутинной и очень грубой, порой жестокой работы на войне, сильно терялись. Некоторые, особенно молодые, краснели и посему долго не снимали балаклавы. Девушки конечно – же прочувствовали это и стали более улыбчивыми и приветливыми, а парни... Кто мог, отводил глаза, а кто зачарованно глазел на девушек – хорошее начало дороги домой. «Боинг» – 737 благополучно взлетел и взял курс на Дамаск – столицу Сирии. Полёт прошёл два часа. В Дамаске, прямо в аэропорту, подвезли горячий обед, выдали загранпаспорта вместе с личными жетонами, ждали самолёт из России. Он прибыл через четыре часа, а пока его не было, эта группа бородатых медведей в количестве сто семьдесят восемь человек произвела неизгладимое впечатление. Гражданские узнали в них русских воинов, поднялся радостный ажиотаж по аэропорту. Вначале скромно подходили взрослые женщины к тихо сидящим парням на своих вещах или ходивших невдалеке и аккуратно касались футболки рослых загорелых парней, спрашивая согласия сфотографироваться вместе. Те, чуть растерянные, смотрели на старших, и получив от них согласие только в балаклавах, с счастливыми улыбками под масками соглашались на фото. Потом потянулись женщины помоложе, а потом и девушки, девочки и дети. На какое-то время в зале поднялась радостная суэта, из-за чего прибыл усиленный наряд полиции. Быстро разобравшись в чём дело, тоже попросили фото с самыми большими амбалами из штурмовиков, такими как Большой, Макс с достоинством улыбался в маске – загорелый, с заросшей рыжей бородой.

Прилетел самолёт из России, авиакомпании «Аэрофлот». Всех быстро подняли, прошли регистрацию и сдали вещи в багаж. Налегке стали садиться в автобус, тот не торопясь подвёз пассажиров к Родине, вернее частички Родины – самолёту легендарной, родной авиакомпании. Боковые двери автобуса остановились напротив трапа, быстро вечерело. На верху трапа, у входа в самолёт, стояла стюардесса в красном платье, красивом платке на шее и красной шляпке. Артём поднимался в середине группы, также заросший, с чёрной бородой.

Поднявшись и поравнявшись, они встретились глазами... Оба обомлели, сильно побледнели, она сразу узнала его, а у него от неожиданности затряслись пальцы:

– Ма-ру-ся-я-я?! – Удивлённый, протянул он.

– Артё-ё-ём?! – Она чуть дёрнулась к нему с желанием обнять за шею, и он чуть подался к ней, но оба встали, как вкопанные, смотрели глаза в глаза. Вся процессия остановилась, пауза затянулась, снизу послышались голоса:

– Ну чё там? Мы летим домой или где?

Артём медленно прошёл в салон, максимально не сводя глаз с девушки. Мария, забыв, где находится, развернулась, провожая его взглядом до салона, потом, очнувшись, принялась встречать остальных пассажиров.

Он сидел у прохода, она всем видом дала понять, что сейчас никак не пообщаться, не может – она на работе. Артём утвердительно махнул головой и она, улыбнувшись ему в благодарность, приняла облик стюардессы «Аэрофлота» – холодно-красивой с неприступной, деловой улыбкой. А все соседи Артёма по – доброму и с завистью шпыняли его и подтрунивали:

– Ну ничё-ссе! Как, Тёма, ты так делаешь? Давно знакомы? Он краснел, сам был в шоке и замешательстве от такой неожиданной встречи. Самолёт взлетел, набрал нужную высоту, по радио сообщили, что можно отстегнуть ремни. Маша, проходя в сторону хвоста самолёта, улыбнулась Артёму, махнула головой:

– Пошли.

Артём соскочил с места, вокруг заулыбались, уставшие, загоревшие, обветренные, но счастливые, бородатые лица товарищей:

– Ух-х-х, мама дорожая, почему меня так не позвали? – Пробасил Тэтхем.

– М-да, народит же мать – природа такую красоту! – Выдавил Деда, улыбаясь, провожал взглядом пару.

– Эх-х-х, а я женат, «не-е-е, мне нельзя в «Бельдяшки»⁴³. – Водил бровями Муха, вспомнив фразу из кинофильма.

Они удалились в хвост самолёта, она зашторила за ним занавеску:

– Привет, Артёмка! – Улыбаясь, она бросилась к нему на шею. Артём в нерешительности, медленно и аккуратно обнял её:

– Привет, Марусь.

– Нам сказали спецконтингент вывозить будем, ребята нервные, много вопросов не задавать. Ты с войны? Нам капитан тихо сказал, что вы будете после каких – то боёв. – Она рассматривала его заросшее, обветренное, загорелое лицо – тёсанное как из камня.

Он стоял очумелый, вдыхая утончённый, дорогой парфюм, обнимая её – такое юное, прекрасное тело.

– Ты где был? – Она всё так-же пристально смотрела ему в голубые глаза.

– Я... В Африке. – Улыбнулся сквозь усы и бороду обнажив белый ряд зубов. Маша сощурила глаза, заулыбалась таинственно с желанием, прижалась к нему:

– Эх, Тёма, Тёма!

– Что? – Не совсем улавливая её нотки, чуть крепче обнял её.

– Ничего... Куда вы потом? – Она оторвалась от него, держа за обе руки.

– Так, это... В Краснодар и отпуск. Поехали со мной, а? – Неожиданно вырвалось у него.

Она чуть замялась:

– Не знаю, а на сколько и куда?

– На сколько хочешь, в Крым. – Он смотрел на неё не сводя взгляда. Она собралась и глянула уже уверенно в ответ:

– На три дня. В Ялту?

– Хочешь, в Ялту поедem.

По прилёту в Шереметьево, группу ждали автобусы. Маша придержала Артёма, у неё были выходные между полётами, и они по её заработанным бонусам полетели бесплатно в Краснодар. Поселившись на съёмной квартире в комплексе «Центр Города», она ждала его. Артём в Молькино с помощью Владимира Павловича – Богемии ускорил получение всех причитаемых финансов, также его ждали награды: медаль «За Отвагу» и первый «Орден Мужества». Богемия поздравил Вольфа, пожал руку и пожелал хорошего отпуска...

И опять та-же понравившаяся гостиница у моря, вечерний ресторан с живой музыкой и нежности с поцелуями... А утром она проснулась в его объятиях. Артём тихо лежал, не спал, аккуратно перебирал её волосы, гладил, рассматривал её прекрасное лицо молодой девушки:

– Доброе утро, Красавица! – Она как кошечка потянулась, расставив руки в стороны:

– Привет, Артём. – Остреньким подбородком упёрлась о его грудь, длинные волосы засыпали её лицо и оно, будто в дымке, выглядывало двумя большими зелёными кошачьими глазами, внимательно следя за его выражением лица. Артём неспеша указательным пальцем левой руки убрал волосы с её лица, любуясь ею, она хитро улыбалась, слегка прищурившись.

– Привет, Машуль. – Он, не отрываясь и не моргая, смотрел в её глаза, она не выдержала, потянулась к нему за поцелуями. Они нежились на большой кровати. Прекрасное солнечное и уже жаркое для неё, но отличное и мягкое для него утро.

⁴³ Фильм «О чём говорят Мужчины».

– Маша, выходи за меня замуж! – Он серьёзно смотрел ей в глаза, хотел погладить рукой волосы, но она резко отвернулась, закрыла глаза. От сильного давления у неё зашумело в голове, Артём не понимая, тихо спросил:

– Марусь, что случилось?

Из её глаз неожиданно потекли две крупные слезы. Она резко села на колени в его сторону, опустив голову. Он совсем опешил, молча смотрел на неё, а потом аккуратно приподнял её лицо за подбородок, она с трудом, медленно, нехотя приоткрыла глаза полных слёз.

– Да что случилось – то? – Артём также сел на кровати.

– Артём... – Выдавила она, шмыгнув носом: – Артём, я замужем.

Свет на время потух в его глазах:

– Как? Как так? – Он сдвинул брови в замешательстве: – Я ничего не понимаю?

– Помнишь, я спрашивала у тебя, как долго ты будешь в командировке... Я когда увидела тебя – ты мне очень понравился, но шесть месяцев – это, так долго, понимаешь? А мне уже тогда сделали предложение... – Она не смотрела в глаза, замолчала. Он был в ступоре, тоже молчал, она продолжила:

– Он пилот, командир корабля. Сейчас у него рейсы в Европе... – Она что-то ещё говорила, говорила... А он её уже не слышал, тоска резким накатом волны накрыла его с головой... Виски сдавило, как в тисках. Всё похолодело и сжалось внутри до дрожи – он боялся этого состояния, а оно, не стесняясь, заполняло его... И опять одиночество, и опять один, опять мёртвая тишина в доме ждёт его... За этим состоянием придет жестокая депрессия... «Мама, папа, ну что не так со мной? Я опять в этом мире чужой... Я хочу к Вам. Я устал так жить. Ну почему там выжил, а здесь кому я нужен?» Неожиданный провал и темнота в душе...

13.11.2025 «Не лети так жизнь» – Истов.

«Дорога на Бахмут»

Один из девизов «Вагнеров» – «Быть воином – жить вечно!» – Это верный посыл, но и очень страшный. У «Вагнеров» подписание контракта являлся договором со Смертью, ты отдаёшься ей в полную власть – тебя больше нет в этой жизни, пока действует контракт. У тебя есть только жетон с твоим номером и позывной. Смерть в праве в любой момент забрать тебя или ещё хуже, сделать калеккой, и посему... Ты пытаешься пройти этот путь максимально без страха, только решимость и смелость даёт надежду на выживание. Доверяясь своим соплеменникам, таким – же, как и ты, опираясь на их плечи и подставляя в трудную минуту своё, это сплочает и объединяет Штурма. У тебя нет ни близких, ни родных, ни любимых, когда ты там. У тебя есть огромное знание и, пока живой, набираешь опыт – опыт выживать через все невероятные трудности. Выживать максимально, сколько это возможно, – это один из столпов «Вагнера». Парни показали в этой войне своё умение, чему их учили: слаженность и знания, боевой опыт, полученный в предыдущих войнах вне дома (Родины), характер, выносливость, мобильность, умение мыслить нестандартно – всё это вело их к ПОБЕДАМ. Парням, ушедшим – ВЕЧНАЯ СЛАВА и память, выжившим – долгих и счастливых лет жизни.

Этот рассказ художественный, но почти полностью вписываемый в истории очевидцев. Все эти истории, которые написаны в рассказе были на самом деле. Это память о ратном подвиге славных русских многонациональных воинов поколениям, идущими за нами.

И вот она – четвёртая командировка. Нет, нет, да и прокатывался мандраж по телу. Эта война имела отличие от предыдущих, в которых участвовал Артём, своей массовостью и длинной фронтом, количеством противника и возможностью его ресурсов. Заходили на «ближний»⁴⁴ в самый разгар битвы за Попасную. Штурмовики там отлетали пачками. Выжив две недели на «нуле» – штурмовик считался долгожителем. А так три – пять дней и ты или «двухсотый» или «трёхсотый». Артём, ещё на тренировочной базе, в Молькино, под Краснодаром, видел ребят – «трёхсотых», которые после госпиталя заходили повторно: кто на «ближний», кто уходил на «дальний»⁴⁵

⁴⁴ «Ближний» – Украина.

⁴⁵ «Дальний» – Сирия, Ливия, ЦАР, Мали и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.